

Профессоръ О. Эйхельманъ

**КЪ ВОПРОСУ
ОБЪ ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНАГО ПРАВА
И
ИСТОРИИ ЕГО ЛИТЕРАТУРЫ.**

**КІЕВЪ.
Въ университетской типографіи (І. І. Завадзкаго).
1885.**

КЪ ВОПРОСУ ОБЪ ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНАГО ПРАВА И ИСТОРИИ ЕГО ЛИТЕРАТУРЫ.

(Мартенсъ. Современное международное право I, IV. С.-П.
1882—1883).

260 лѣтъ прошли съ того времени, когда *Гуго Гроцій* сдѣлалъ первую болѣе полную и систематическую попытку разрѣшить вопросъ о понятіи и содержаніи международного права, выпустивши въ свѣтъ извѣстное свое *jus belli ac pacis*. Это великое по времени твореніе имѣло огромное значеніе для теоріи и практики. Гуго Гроцій вызвалъ своей книгой дѣятельное усердіе теоріи международного права; практика же не переставала ссылаться на положенія Гуго Гроція, для подтвержденія своихъ требованій и оправданія своихъ дѣйствій. Вступленіе науки международного права въ жизнь было, такъ обр., успѣшно; оно обставлено хорошо. Правда, недостатки этого начала были очень значительны.

Точный смыслъ трактуемыхъ вопросовъ еще не былъ постигнутъ; шаткость и неопредѣленность проходятъ черезъ всю знаменитую книгу благороднаго автора. Недостатки эти плодъ времени и исторической эпохи; однако они открыли самой книгѣ свободный доступъ въ среду практиковъ, на которыхъ она пріобрѣла вліяніе, долго сохранивъ его, пока ея мѣсто не заняли авторитеты современные.

Къ сожаленію, положенное Гроціемъ начало не получило соотвѣтственно быстрого и успѣшнаго развитія. Отрывки и очерки Гуго Гроція были эксплуатируемы одностороннимъ образомъ, въ различномъ смыслѣ. Споры возникшихъ противоположныхъ школъ были чужды того благороднаго благоразумія и связаннаго съ нимъ широкаго воззрѣнія на предметъ, которыя украшали ученые приемы Гуго Гроція и въ которыхъ новая наука не переставала крайне нуждаться, напротивъ только при нихъ она могла усилить значеніе, пріобрѣтенное для нея Гуго Гроціемъ.

Почти 100 лѣтъ прошли до появленія этюдовъ *Бинкерсгука* по международному праву. Этотъ писатель не составилъ полнаго обозрѣнія всего предмета, но коснулся многихъ важныхъ вопросовъ его. Онъ одинъ изъ самыхъ классическихъ представителей т. наз. элегантноі юриспруденціи.

Методу этого направленія онъ также пытался примѣнить къ международному праву.

Вскорѣ послѣ него знаменитый философъ-энциклопедистъ *Вольфъ*, эклектически взложившій систему международного права, удивилъ вѣкъ своею теоріею о *civitas maxima*; теоріею о государствѣ надъ народами, понимаемомъ чисто теоретически. Но вѣкъ Вольфа не понялъ вѣрное содержаніе его гран-

діозної мислі, і суть єя продовжують извращать до сихъ поръ, выставляя єе чудовищной, при помощи довольно шаблонной критики.

Популяризаторъ сочиненій Вольфа, практической дипломатъ изъ второй половины прошлаго столѣтія, *Ваммель*, имѣлъ огромный успѣхъ, занявши въ дипломатіи мѣсто Гуго Гроція, благодаря легко и доступно написанной книгѣ своей о международномъ правѣ. Не подвинувши впередъ научныхъ истинъ предмета, отказавшись даже отъ *civitas maxima*, онъ однако опять значительно расчистилъ путь для признанія авторитета международного права въ средѣ дипломатіи. И надо сказать, что теперь обстоятельства сложились благоприятнѣе для дальнѣйшихъ, сравнительно, быстрыхъ успѣховъ пробивающейся на свѣтъ Божій новой науки, нежели это было послѣ Гуго Гроція. Характеръ эпохи измѣнился: переговоры и трактаты дипломатіи перестаютъ быть безусловно недоступною тайною правительственныхъ канцелярій; они дѣлаются все больше и больше достояніемъ печати; и т. обр. открывается для науки возможность, съ большею полнотою, узнать практическое право, соблюдаемое государствами въ ихъ отношеніяхъ между собою.

Первый шагъ, для болѣе опредѣленнаго характера позитивности нашей науки, былъ сдѣланъ *І. Я. Мозерамъ*, который съ поразительнымъ усердіемъ и любовью къ дѣлу, собралъ огромный матеріалъ дипломатической практики и правилъ войны, за богатое событіями время 1740—1780 гг. Мозера можно назвать ультра-позитивистомъ; философски осмысленной обработки положительныхъ фактовъ правовой жизни онъ даже не допускалъ. Этотъ гигантскій, хотя и односторонній трудъ, конечно, не могъ остаться безъ большаго вліянія, а, можно сказать, вызвалъ именно достаточно опредѣленную историко-догматическую методу въ наукѣ международного права. Замѣчательныя работы, въ этомъ направленіи, *Гинтера* и *Мартенса* въ исходѣ прошлаго столѣтія дали новой наукѣ основы, съ которыми она могла равномерно стать рядомъ съ другими науками. Правда не всегда она умѣла держаться на этой высотѣ, и съ тѣхъ поръ слишкомъ мало сдѣлала замѣтныхъ шаговъ впередъ. Новыя изданія знаменитой книги Мартенса, продолжавшія выходить до послѣдняго времени, сохраняютъ практической смыслъ, рядомъ съ столь же превосходною и извѣстною книгою *Геффтера*.

Система Мартенса остается до сихъ поръ самою осмысленною и наиболѣе правдоподобною и согласною съ содержаніемъ предмета, изъ всѣхъ многочисленныхъ прочихъ. Исходный пунктъ (мотивъ) єя построенія вѣрный. Словомъ, юридическій элементъ, въ научной формѣ, получилъ съ этихъ поръ въ международномъ правѣ достаточно опредѣленный характеръ. Съ этихъ поръ «Гуго Гроцій» сдѣлался *überwundener Standpunkt*.

Достойно шли по пути Мартенса *Шмельцингъ* и *Клюберъ*, имѣющіе право на серьезное вниманіе также въ настоящее время.

О Геффтерѣ сейчасъ было сказано; первое изданіе его системы было сдѣлано въ 1844 г. Вообще осторожный въ своихъ обошеніяхъ, онъ однако

щедрѣ Мартенса. Устарѣлость, будто бы характеризующая Геффтерову книгу, относится къ немногимъ мѣстамъ, и отнюдь еще не лишаетъ книгу высокаго современнаго значенія. Основы дѣйствующаго международнаго права вѣрно поняты авторомъ и еще не измѣнились. Высокій научный авторитетъ и практическое значеніе книги Геффтера всѣ признають съ рѣдкимъ единодушіемъ. По ней учились сотни тысячъ образованныхъ людей во всемъ мірѣ. Поэтому тѣмъ болѣе удивительно, что писатели такъ мало прониклись ея выдержанною методою; изъ числа прочихъ примѣровъ укажу, что на обильныхъ, по количеству, итальянской и англійской литературахъ нашей науки вліяніе Геффтера слишкомъ мало замѣтно.

Новый плодотворный, хотя и еще далеко не законченный, элементъ внести въ нашу науку *Блюнчли*: изученіемъ внутренней, психологической или соціальной силы отдѣльныхъ институтовъ предмета. Изслѣдованія этого рода въ системѣ Блюнчли коротеньки, но мѣтки и часто очень глубокомысленны, основанныя на близкомъ знакомствѣ съ исторіей и политической жизнью, въ которой онъ самъ былъ виднымъ дѣятелемъ около 40 лѣтъ. Указанная сторона въ методѣ Блюнчли намѣчена съ достаточною полнотою и можетъ служить капитальнымъ основаніемъ для упроченія и успѣховъ, какъ самаго международнаго права, такъ и его науки.

Обозрѣніе матеріаловъ изъ практики современнаго международнаго права сдѣлано, съ значительною полнотою для всего предмета, американцемъ *Кальво*.

Появившійся на дняхъ курсъ извѣстнаго спеціалиста нашей науки, *Бульмеринга*, замѣчательный по сжатости своего изложенія и, сравнительно, очень значительному богатству содержанія по части фактовъ и литературы, — по методѣ изслѣдованія, новыхъ успѣховъ не представляетъ, и даже не всегда, въ отношеніи методы, держится на добытомъ научномъ уровнѣ: Направленіе автора чисто формально-догматическое¹).

Количество монографической литературы международнаго права было даже довольно огромно еще въ XVIII вѣкѣ. Въ нынѣшнемъ столѣтіи она принимаетъ солидные размѣры почти у всѣхъ народовъ, преимущественно съ 40-хъ и 50-хъ годовъ. Капитальныхъ работъ здѣсь, правда, очень немного, которыя построены на обстоятельномъ историко-философскомъ и самостоятельномъ разборѣ предмета, и имѣють дѣйствительное значеніе. Передовые взгляды вѣка, получившіе отчасти осуществленіе въ международной жизни, имѣли широкій просторъ въ монографической литературѣ нашей науки, но больше выступали съ памфлетическимъ характеромъ, нежели съ объективнымъ

---

¹ Въ скоромъ времени я разсчитываю напечатать подробный разборъ этого, какъ я нахожу, при настоящихъ условіяхъ нашей науки, несомнѣнно выдающагося творенія моего многоуважаемаго учителя Бульмеринга.

и глубоким научным обоснованием трактуемого вопроса. Значительную юридическую и философскую эрудицией эта монографическая литература, в громадном большинстве случаев, не отличается; и она заметно отстала от своих товарищей в других отраслях юридической науки. Этот неблагоприятный статус наш водворил, конечно, недобрый обычай, что мало-мальски усидчивых компиляторов, скомкателей, умевших прикидываться критиками, привыкли украшать кличкой мудрых авторов. Вследствие этого выскательность критики понижена до нуля в этой среде дружных единомышленников по взаимной невзыскательности.

Русская литература международного права существует, хотя и вопреки утверждению петербургского профессора Мартенса. Правда, науку она мало подвинула вперед. Сь высоким научным достоинством мнѣ извѣстны только небольшія работы покойнаго профессора Незабитовскаго и отчасти Каченовскаго. Работы Незабитовскаго уже не черновыя, а глубоко, послѣдовательно обдуманная и строго изложенная работы. Къ сожалѣнію эти достоинства автора почти не были замѣчены. Объемистыя книги профессоровъ Мартенса, Камаровскаго и Даневскаго очень размашисты, но по мысли мало концентрированы и не отличаются сильною логикою и юридическою эрудицією. Гораздо бѣльшаго обѣщала и отчасти успѣла сдѣлать покойный Каченовскій. Къ сожалѣнію, такіе успѣхи 50-лѣтняго существованія отдѣльной кафедры международного права въ русскихъ университетахъ не блестящи. И нечего намъ, разумѣется, утѣшаться подобными фіаско другихъ наукъ у насъ-же. По государственному праву наприимѣръ, если не считать количество, а качество работы, сдѣлано чуть ли не еще меньше.

Подводя итоги сдѣланному обзорѣнію, мы стало быть приходимъ къ заключенію, что система нашей науки находитъ свои лучшіе образцы въ лицѣ Мартенса (старшаго), Геффттера, Блюнчли и отчасти Бульмеринга, и пособіе для обширнаго знакомства съ матеріалами международного права въ Кальво. Въ самое новѣйшее время надумалъ изложить, въ широкихъ рамкахъ, науку международного права нашъ соотечественникъ, петербургскій профессоръ Ф. Мартенсъ. Игнорируя, очевидно, курсъ Стоянова по этому предмету, вышедшій въ 1876 г., прославившійся профессоръ Мартенсъ думалъ издать *первое* систематическое руководство по этой наукѣ, *написанное русскимъ ученымъ*. Судя по различнымъ намѣкамъ и замѣчаніямъ автора, онъ намѣревался стать на высокую научную точку зрѣнія; 1000 страницъ курса доказываютъ матеріальную полноту его. На русскомъ языкѣ книга эта уже окончена въ двухъ томахъ. Изъ русскихъ критиковъ промолвился о ней только одинъ пофранцузски. Но система Мартенса выходитъ также въ переводахъ на иностранные языки и вызвала уже чрезвычайно лестные отзывы о первомъ переведенномъ томѣ. Къ сожалѣнію, эти отзывы не разборы книги, а учтивые привѣты. Между тѣмъ, полагаю я подробная оцѣнка явившейся, почти одно-

временно, на трехъ языкахъ книги проф. Мартенса составляетъ право автора, исполненія котораго онъ можетъ требовать отъ своихъ со товарищей по специальности. Курсъ Мартенса (какъ заявляетъ авторъ) плодъ 11–12 лѣтней, изъ года въ годъ повторявшейся, *профессорской дѣятельности*. За высказанныя въ своей книгѣ мысли и положенія авторъ (заявляетъ Мартенсъ) стоитъ *всею силою своихъ личныхъ убежденій и всею совокупностью приведенныхъ имъ положительныхъ фактовъ*. Слѣдовательно, опытъ автора, въ обращеніи съ системою или курсомъ науки международного права, и приведенное категорическое и (какъ понятно) самоувѣренное заявленіе автора заставляютъ полно мотивировать возраженія противъ него, если они окажутся необходимыми. Но и кромѣ того, обширный по этой причинѣ разборъ книги Мартенса — долженъ еще увеличиться по объему, благодаря нѣкоторымъ неудобнымъ особенностямъ, свойственнымъ курсу Мартенса; книга изобилуетъ (даже очень явными подчасъ) противорѣчіями между отдѣльными положеніями автора. Въ особенности въ курсѣ, для руководства, это обстоятельно крайне неудобно. И критика обязана тщательно отнестись къ такимъ мѣстамъ.

Признаюсь, я, лично, уже давно и съ большимъ интересомъ и надеждою ждалъ выхода курса лекцій Мартенса въ печати, знакомыхъ мнѣ еще раньше по литографіямъ-запискамъ.

Считаю удобнымъ раздѣлить предлагаемый этюдъ на нѣсколько самостоятельныхъ отдѣловъ; изъ нихъ настоящій первый касается обстоятельнаго историческаго и литературнаго введенія въ курсъ Мартенса (Т. I, стр. 30–175).

Курсъ Мартенса озаглавленъ: Современное международнаго права цивилизованныхъ народовъ, т. I. СПб., 1882. Т. II. СПб., 1883. Мартенсъ профессоръ СПб. университета и членъ основаннаго въ 1873 г. института международного права; онъ также занимаетъ кафедру въ училищѣ правовѣдѣнія, по государственному и международному праву, и состоитъ непремѣннымъ членомъ совѣта министра иностранныхъ дѣлъ.

Введеніе въ курсъ проф. Мартенса, обнимающее исторію международныхъ *отношеній и права*, довольно пространно стр. (22–149). Исторіи науки посвящено особое (слѣдующее) отдѣленіе (стр. 150–175).

Такое вниманіе автора къ исторіи предмета, въ рамкахъ курса, заслуживаетъ полнаго одобренія, ввиду все еще продолжающагося жалкаго положенія исторіи международного права въ литературѣ; она еще очень мало достаточно полно и удовлетворительно разработана. При такихъ обстоятельствахъ не слѣдуетъ упустить изъ вниманія того усердія, которое на этотъ пробѣлъ посвящали нѣкоторые русскіе юристы: Каченовскій, Стояновъ, Иванов, а нынѣ Мартенсъ.

Вслѣдъ за огромнымъ сочиненіемъ Лорана объ исторіи человѣческой культуры, Каченовскій приступилъ къ строго-критической повѣркѣ и пригодному примененію изслѣдованій Лорана къ исторіи нашего предмета, и, въ введеніи къ предполагававшемуся къ печатанію курсу своему по международному праву,

составилъ чрезвычайно рельефную, тщательно, умѣло и мастерски изложенную, исторію этого права, при помощи большаго ученаго аппарата. Авторъ, къ сожалѣнію, остановился на исходѣ среднихъ вѣковъ, оставшіеся послѣ его смерти богатые манускрипты не были изданы. Ф. Мартенсъ почти не замѣчаетъ Каченовскаго.

Хотя и по нѣсколько оригинальнымъ и недостаточно убѣдительнымъ причинамъ, Ивановъ въ Казани сочелъ необходимымъ сдѣлать очеркъ (характеристику) международныхъ отношеній и права въ историческомъ развитіи (стр. 89–178), начиная отъ древняго востока. Этотъ очеркъ (магистерская диссертация) составляетъ введеніе въ систему права война, но этого предмета авторъ послѣ введенія уже не касался. Очеркъ же самъ по себѣ, хотя и элементарный и безъ высокихъ научныхъ достоинствъ, но довольно толковый и, полагаю, не бесполезный въ началѣ курса международного права, откуда очевидно и взялъ его г. Ивановъ, преподающій этотъ предметъ въ Казани 20 лѣтъ.

Понятная вещь, что и къ истор. очерку Мартенса мы можемъ предъявить только требованія ограниченныя, требованіе толковаго учебнаго пособія, изложеннаго въ извѣстномъ послѣдовательномъ порядкѣ, и, конечно, съ должною точностію въ фактической части и убѣдительною выводовъ. Своей “исторіи” Мартенсъ предпосылаетъ (стр. 21–29) нѣсколько общихъ объясненій о цѣли и методѣ ея и объ общемъ законѣ объясняемаго развитія (§ 6). Далѣе (§ 7) опредѣляются періоды этого развитія.

Задача въ исторіи автора — “не изложеніе голыхъ фактовъ, войнъ, переговоровъ, трактатовъ, но характеристика идей, на которыхъ проходящіе и измѣнчивые факты покоятся, и которые ихъ объясняютъ. Эти идеи играютъ такую же роль въ развитіи международной жизни, что и принципы Монтескьё въ формахъ и порядкахъ государственной жизни”. Потому авторъ обѣщаетъ указывать на связь развитія международной жизни съ внутренними порядками государствъ, предполагая ихъ извѣстными. Но исполненіе этого обѣщанія и ограниченія не проводится послѣдовательно.

Наконецъ, основнымъ закономъ развитія всей исторіи международного права служить законъ прогрессивнаго развитія международныхъ отношеній. *Черезъ это мы въ состояніи понять всю исторію какъ одно цѣлое.* Непосредственнымъ выраженіемъ этого закона является *начало уваженія человѣческой личности, которое проходитъ черезъ “всю” историческую жизнь народовъ.* Степень признанія его есть мѣра развитія международныхъ отношеній и права въ извѣстное время. Если уваженіе это велико, если человѣческая личность, какъ таковая, признается источникомъ гражданскихъ и политическихъ правъ человѣка, то и международная жизнь представитъ высокую степень развитія порядка и права, и наоборотъ, нѣтъ между народами юридическихъ порядка и уваженія законности, если въ государствѣ

отрицаются присущія челоуѣку неотъемлемыя права. Авторъ говоритъ: “*вся*” *исторія* подтверждаетъ это. “*Весь*” *древній міръ* совершенно не зналъ уваженія къ челоуеческой личности, и международныя отношенія были *вовсе* не развиты; общее правило здѣсь: враждебныя отношенія между государствами и нескончаемыя истребительныя войны. — Въ средніе вѣка мы видимъ господство кулачнаго права..., но принципъ личности провозглашается источникомъ индивидуальной и политической свободы. Здѣсь поэтому зародыши международнаго права. Кромѣ того юридическій статусъ челоуѣка обусловливался не подданническою связью, а принадлежностью къ католической церкви. (Это объясненіе строго придерживается порядка мыслей проф. Мартенса). — Общая оцѣнка историческаго очерка проф. Мартенса, съ точки зрѣнія установленнаго имъ метода: идейнаго и органическаго развитія, будетъ мною сдѣлано послѣ разсмотрѣнія частностей этого очерка.

Исторію науки авторъ отдѣляетъ отъ исторіи права, считая это болѣе вѣрнымъ. Я убѣжденъ, что можно только согласиться, что это отдѣленіе легче, но *вовсе* не лучше т. е. правильнѣе или даже вѣрно.

“Въ исторіи международныхъ отношеній рубежи различныхъ эпохъ или періодовъ отличаются смѣною однихъ руководящихъ идей другими, но не замѣчательными и крупными событіями и не важными международными актами, *какъ бы вліятельны не были ихъ послѣдствія*. Поэтому *исторія международнаго права* распадается на три періода. *Первый* періодъ: начало полнѣйшей разобщенности народовъ и господства между ними физической силы, проходитъ отъ древняго міра и до 1648 г. по Р. Х. *Второй* періодъ (1648—1815) характеризуется господствомъ идеи политическаго равновѣсія. Въ 1789 пробиваются новыя идеи и дѣлаютъ конецъ втораго періода *переходомъ* къ третьему. Третій періодъ: начало національности, продолжается до настоящаго времени, и дѣлится крымскою войною на двѣ половины. Принципомъ будущаго можетъ быть только идея права”.

Эти указанія періодовъ авторъ предварительно снабжаетъ бѣглою характеристикой отличительныхъ ихъ свойствъ. Я остановлюсь на ней послѣ, въ связи съ соответственными последующими подробными объясненіями тѣхъ же вопросовъ.

Здѣсь я долженъ сказать только нѣсколько словъ о періодахъ, принятыхъ авторомъ. Оставлю въ сторонѣ вопросъ о правильности ихъ, и укажу только на правильность и послѣдовательность въ исполненіи г. Мартенсомъ его собственныхъ плана и требованій: первый періодъ *исторіи международнаго права* оказывается безъ такого права. Дѣленіе періодовъ, согласно смѣнѣ однихъ идей другими, замѣняется у автора опредѣленными хронологическими цифрами. А вѣдь идеи такъ моментально, въ годъ, такъ сказать къ извѣстному числу, не образуются, и только извѣстный процессъ предыдущаго развитія можетъ получить болѣе рѣзкое выраженіе въ такихъ фактахъ и событіяхъ,

разыгрывающихся въ какой нибудь одинъ годъ. Это и суть видимые рубежи періодовъ исторіи, безъ которыхъ, какъ оказывается, и г. Мартенсъ въ концѣ концовъ обойтись не могъ, не смотря на пренебреженіе къ нимъ, высказанное авторомъ въ установленіи *собственной* методы для дѣленія истор. періодовъ. Подобная неосторожность неудобна!

Эпоху отъ 1789 до 1815 авторъ называетъ переходною; оно не безъ основанія, но тогда съ такимъ же основаніемъ слѣдовало называть всю эпоху реформаціи переходною отъ перваго ко второму періоду.

Двѣ половины третьяго періода (отъ 1815 до нынѣ) встрѣчаются на 1856 году, утверждаетъ авторъ. Между тѣмъ 1856 г. только *политическое* событіе, и никакая, даже хотя бы и половинная, новая господствующая идея права здѣсь не начинается. Съ Парижской морской деклараціей, по содержанію не новой, могутъ рядомъ стать многія европейскія конвенціи, не удостоенныя однако чести быть рубежомъ, для установленія періодовъ въ исторіи международного права.

Вся эпоха опредѣляется болѣе крупными идеями. Для рѣшительнаго поворота впередъ принципа національности имѣли значеніе событія 1848 и 1849 годовъ. Парижскій трактатъ здѣсь не при чемъ. Въ 40-ыхъ годахъ болѣе близкіе корни переворотовъ, создавшихъ также условія для новаго развитія международного оборота.

Древнія времена. Вообще. Авторъ правильно указываетъ на невозможность полагать начало международного права у самаго порога однихъ лишь фактическихъ международныхъ отношеній. Но авторъ смѣло утверждаетъ, что международного права, даже по одному априорному умозаключенію, быть не могло у *древнихъ* народовъ: они не нуждаются другъ въ другъ, поэтому (?) даже ближайшій сосѣдь — естественный врагъ, который долженъ быть поработенъ. Народы не знаютъ ни своихъ силъ (?), ни чужихъ намѣреній, и внутренняя жизнь должна устроиться совершенно самобытно, безъ всякаго чужаго вмѣшательства. Эту психологическую черту древнихъ народовъ должна подтвердить исторія, не исключая Рима и Греціи и философіи послѣдней. Война, а не миръ, замкнутость, полнѣйшая разобщенность, а не международныя сношенія: характеризуютъ всю эту эпоху, за нѣсколько тысячъ лѣтъ. Положимъ, что торговыя сношенія, переселенія, колоніи, гостепріимство, мѣстами права иностранцевъ — авторомъ не могли быть отрицаемы, но, повторяетъ онъ, они *не противорѣчатъ* (?) данной *общей* характеристикѣ, а лишь счастливыя (!) непослѣдовательности, которыми богата исторія. Они значить не имѣютъ органическаго характера въ ней, однако, потомъ опять, по словамъ автора, цивилизація значительно обязана имъ своимъ развитіемъ. Слѣдовательно, они не могутъ не имѣть органическаго значенія въ данную эпоху. Поэтому *совершенное* отрицаніе развитія международныхъ отношеній въ древнемъ мірѣ *ошибочно*. Логика *признаваемыхъ* фактовъ сильно не вяжется съ утвержденіями Мартенса.

Далѣ авторъ уже нѣсколько измѣняетъ свое положеніе. “Замкнутость древнихъ народовъ *преобладающее* состояніе, но фактически нарушалась”. И какъ именно?

Война *нормальный* порядокъ и служить могущественнымъ средствомъ для сближенія народовъ; побѣдитель уничтожаетъ для себя и для побѣжденнаго изолированность; кромѣ того, *заключеніе мира завязывало мирныя сношенія и распространяло плоды образованности*. Такое же громадное значеніе признается за переселеніями и колонизаціей для развитія мирныхъ и, въ особенности, торговыхъ сношеній между древними государствами, *расширившихъ умственный и политическій горизонтъ народовъ*.

Значить, нарушеніе *замкнутости* играетъ огромную роль и всетаки это только счастливые непослѣдовательности, повторяетъ утверждать авторъ, хотя и иностранецъ былъ защищенъ *обязательнымъ гостеприимствомъ*. Авторъ наконецъ допускаетъ въ древнемъ мірѣ международныя сношенія (но о развитіи ихъ не упоминается); онъ допускаетъ даже *обычаи*, которыми они охранялись. Но нѣтъ, говоритъ онъ, факта, доказывающаго у древнихъ народовъ сознаніе необходимости правильныхъ взаимныхъ сношеній и обезпечивающаго ихъ права (sic!).

Но, вѣдь не можетъ быть спора о томъ, что допускаемая обычаями основывались на такомъ сознаніи, хотя бы и въ ограниченной области; и самъ авторъ иного смысла для нихъ приискать не сумѣлъ. И я не умѣю подсказать ему другаго. Но то обстоятельство, что тотъ или иной обычай въ международныхъ сношеніяхъ образовался подъ принужденіемъ религіознаго представленія, не лишаетъ его возможности имѣть юридическое значеніе, пользоваться признаніемъ, какъ право, разъ такое признаніе установилось. Поэтому мы можемъ говорить о *международномъ правѣ*, въ древней Греціи и Римѣ, подобно тому какъ XVII и XVIII вѣкахъ по Р. Х.

Причины международной замкнутости *во всемъ* древнемъ мірѣ, указанныя авторомъ выше и отсылаемая на историческую повѣрку, не выдерживаютъ послѣдней, уже потому, что нѣтъ такой замкнутости у массы древнихъ культурныхъ народовъ, о которой говоритъ авторъ. Онъ же показываетъ, что древніе народы другъ въ другъ нуждались; естественными врагами непрерывно не считали другіе народы; свои силы и чужія намѣренія знали.

Правда то, что значительная замкнутость внутренней жизни народовъ характеризуетъ древній міръ, но это имѣло мѣсто даже въ составѣ одного и того же государства. Степень строгость замкнутости, однако, чрезвычайно значительно варьируетъ у разныхъ народовъ. Авторъ не желаетъ замѣтить этого элементарнаго факта. — Еще больше различіе между *maximum*’омъ и *minimum*’омъ фактическихъ размѣровъ допускаемыхъ международныхъ сношеній у различныхъ древнихъ народовъ, и даже у однихъ и тѣхъ же, но въ различное время. Сколько, напр., различій въ этомъ отношеніи у различныхъ племенъ и общинъ одной греческой группы народовъ!

Поэтому общая формула автора о принципиальной недоступной международной замкнутости в древности не может быть принята.

Что же касается *действительной* международной замкнутости в древности и ее причин, то необходимо обратить внимание также на ту замкнутость, которая сохраняется даже в отдельных частях образовавшегося большого политического агрегата, и первоначально покоится на последствиях родового союза и тех различных обстоятельств, в силу которых этот союз образовался, напр. в Индии.

Ограниченная международная жизнь древних политических агрегатов, впоследствии, зависит от многих разнообразных причин, которые отчасти поддерживаются выше упомянутой первоначальной причиной.

Проф. Мартенс, к сожалению, замечательное разнообразие древне-восточной культуры и вообще древнего мира считает возможным подвести под общей шаблон; классическую культуру он потом уже выделяет несколько. Древне-восточную он однако сводит к одному общему типу, кастической теократии, лучшая выразительница которой Индия; страна эта необыкновенно одарена природой, завоеватели устремлялись на нее, и здесь, будто, концентрировалась *вся* международная жизнь далекого востока. Поэтому Индия образец восточных государств и международных их отношений.

Автор, как видно недостаточно справился с общедоступными фактами.

К сожалению он не подтверждает, ни фактическими указаниями, ни ссылками, утверждаемый им тезис: что вся международная жизнь, мирная и воинственная, дальнего востока концентрировалась в Индии, а гипотеза эта смелая и сомнительная. Правда то, что Индия, громадная сама по себе, в себе же концентрировалась, и выдвинула у себя много перемен, не исключая своего рода всемирной монархии.

Индия после IX в. по Р. Х., конечно, не входит в планы проф. Мартенса. Это само собою разумеется.

И так, для Мартенса, кастическая теократическая Индия образец *всей* политической жизни древневосточных народов. Но через две страницы (37) к этому образцу уже только приравниваются *понятия международных отношений* у Персов, Иудеев и Финикиян, им приписывается подобная замкнутость как Индии. И наконец, несмотря на образцовый образец, в лице Индии: все таки *особенно* крайними взглядами на замкнутость отличались Египтяне; но приводимые в доказательство факты совпадают с такими же в Индии.

Автор касается внутреннего устройства Индии, как неблагоприятного условия для развития международных сношений в ней. — Он утверждает, что порядок Индии установился согласно брамизму, и затем буддизму. Но это

последнее по меньшей мере мало ясно, ввиду того несомненного факта, что буддизм был в Индии только преходящим; он твердо господства не приобрел в порядке общественного устройства, но в последнем он именно то и отрицал *касты, всякую замкнутость*, и служил источником космополитических влечений в Индии: он имел разрушить этот “образец” Индии; но брамизм сумел предупредить грозившую ему гибель и решительно восторжествовал. Порядок Индии принадлежит ему, брамизму.

“Религия ввела в Индии разделение на касты”. Но мы знаем, что богословская теория об этом разделении каст в законах Ману есть только результат своеобразного, очень продолжительного естественного народного развития, который был утилизирован, как религиозный *догмат*, слагавшийся исподволь и закончившийся в законах Ману. О победоносном населении в Индии автор выражается мало ясно; считаю поэтому необходимым указать на то, что судры, четвертая *каста*, хотя и были из победжденных автохтонов, но находились в *кастическом* устройстве, как четвертая “каста”, и также производились от тела самого Брами. Парии же и Чапалы не исчерпывают народонаселение, стоявшее вне каст. Последнее распалось на множество групп, с различными, точно определенными, но очень ограниченными человеческими правами. Впоследствии судры смешались по юридическому положению с арийскими вайсиями (третьею кастою).

“Индия дает нам *впервые* доказательство того значения, которое имеют для международной жизни общественные элементы, действующие в стране”. Однако, причина этого первенства не понятна, и мотивы для него не видны. Мы только знаем, что история древнего Египта и даже история финикийской культуры гораздо древнее. Современны Индии — Греция и Персия. Чем теория их истории (а также история Китая) менее годна для определения подобных общих законов истории человечества? Напомним к стати характерный в данном случае факт, что историография Индии уступает всем другим поименованным народам.

Характеристика политического типа древней Индии у автора неправильна.

Мартенс полагает (1), что Индия — теократия, (2), что в теократии обязательны касты, и (3) что, при кастовом устройстве, главенствующая каста сосредоточивает в себе *всю* полноту государственной власти, и что (4) главенствующая каста, из опасения за свой безусловный авторитет, (чтобы устранить всякое представление об ином порядке) запрещает все внешние сношения, как преступление. — Отвечу автору по пунктам.

1) Индия — деспотическое государство, с теократической доктриной, обеспечивающее за браминами сильное влияние на государство, но высшая государственная служба доступна также следующим двум кастам. Постепенно

теократическая доктрина ослабляет и усиливается деспотизм радши, князя, который даже по законам Ману неограниченный властитель, полубогъ. Случались цари изъ 4-ой касты!

2) *Классическую* теократію представляет намъ іудейскій народъ, но онъ какъ разъ безъ кастъ.

3) Вся полнота государственной власти, внѣ всякаго сомнѣнія, сосредоточивается въ лицѣ царя; это такъ въ Индіи, Персіи, Египтѣ, и вездѣ, гдѣ былъ *подобный* царь: Рѣшеніе во всемъ принадлежало ему. Никакія совѣты не связывали его въ этомъ, онъ пользовался ими совершенно свободно. Таковъ *основной конституціонный законъ* этой формы государственнаго устройства. Изъ этого слѣдуетъ, что въ Индіи господствовала самая чистая теократическая *монархія*, а не аристократія браминовъ. — Цари же обмѣнивались посольствами и поддерживали международныя сношенія, а не брамины, какъ утверждаетъ авторъ.

4) Какъ же упомянутымъ опасеніемъ, за неприкосновенность существующихъ порядковъ, объяснить утверждаемое авторомъ запрещеніе сношеній между *вполнѣ однородными* отдѣльными государствами Индіи (на Гангѣ; — на Индѣ авторитетъ законовъ Ману весьма различно признавался)? Вопросъ этотъ авторомъ не поставленъ, и отвѣта на него никакого не находимъ.

“Международныя сношенія индійскихъ государствъ — преступленіе, они только факты, которые вызваны крайнею необходимостью, но не *de jure*”. Авторъ такое положеніе однако не подтверждаетъ необходимымъ объясненіемъ, а приводитъ факты, которыя легко дополнить, и которые вмѣстѣ взятые, разрушаютъ категорическое положеніе г. Мартенса объ абсолютной замкнутости индійскихъ государствъ между собою.

Свѣдѣнія объ иноземцахъ въ древней Индіи разбросаны у автора на стр. 35–37, безъ надлежащей связи. Но фактъ *гостепрѣимства* по отношенію къ вѣрующему чужеземцу не можетъ быть отрицаемъ. Гостепрѣимство даже существовало, какъ религіозная обязанность: оно священо. Авторъ этого обстоятельства не подмѣтилъ.

Криминальная квалифікація внѣшнихъ сношеній между индійскими государствами въ законахъ Ману не встрѣчается. Если бы было такое запрещеніе, то и немислимы бы были тѣ ясныя и обстоятельныя правила для дипломатіи и для веденія войны, которыя кодифизировали законы Ману. Правила индійской дипломатіи Мартенсомъ упоминаются; правила же войны произвольно упускаются вовсе изъ виду, между тѣмъ, какъ они сдѣлались элементарнымъ свѣдѣніемъ и составляютъ, для трактуемаго авторомъ вопроса, характерное явленіе. Оказывается, что внѣшнія сношенія индійскихъ государствъ законами Ману вовсе не воспрещаются, а напротивъ опредѣляется: какія съ кѣмъ *нужно* поддерживать. *Эта обстоятельность въ законахъ* указываетъ на значительное развитіе внѣшнихъ сношеній древней Индіи. *Наконецъ* даже

для побѣдителя были обязательныя правила въ обращеніи съ покоренной страной. И виновникомъ всѣхъ этихъ человѣческихъ правилъ могли быть все только тѣ же брамины; инаго объясненія и придумать нельзя.

Мартенсу до этихъ вопросовъ дѣла нѣтъ. Слѣди за *идеями* (!), лежащими въ основаніи фактовъ, онъ *о послѣднихъ* то какъ бы мало позаботился, какъ это доказываетъ его очеркъ древневосточныхъ международныхъ сношеній. Равно предположеніе, что *теократическое начало* и кастовое устройство препятствовали международнымъ сношеніямъ между индійскими государствами не поддерживается даже при помощи смѣлыхъ гипотезъ, а остается совершенно недоказаннымъ. Нѣкоторая связь между этими явленіями инд. жизни есть; но каковы свойства и размѣры ея, и единственная ли только она? Излишество этихъ вопросовъ вовсе не доказано положительными истинами, которыя бы дѣлали ихъ излишними.

И такъ законъ прогрессивнаго развитія международныхъ сношеній, утверждаемый авторомъ для *всей* исторіи международнаго права во всѣ три періода, для древне-восточной культуры, *со стороны автора* признанія и примѣненія не находитъ.

Воображаемой имъ Индіи авторъ вполне приравниваетъ Персовъ, Іудеевъ и Финикіянь; но данныхъ никакихъ не приводитъ. Поэтому трудно найти исходную точку для объясненій съ авторомъ по этому вопросу. Факты ни съ какой точки зрѣнія не поддерживаютъ автора. Даже самъ авторъ раньше упоминаетъ о *правильныхъ* торговыхъ сношеніяхъ Персовъ съ Греками послѣ мидійскихъ войнъ.

При сравненіи исходной точки зрѣнія методы Мартенса, для изслѣдованія развитія международныхъ отношеній, по которой явленія международной жизни данной эпохи должно понимать какъ одно цѣлое и подъ мѣриломъ закона прогресса, — съ приложеніемъ ея къ древнему востоку, я у автора нахожу крайнія самопротиворѣчія.

Правило для методы установлено вѣрно. И послѣ него мы были въ правѣ ожидать, что авторъ всѣ факты, явленія, обычаи и стремленія, обнаруживающія зачатки и развитіе международной жизни, сведеть въ одно цѣлое и объяснить связь и *положительный* смыслъ ихъ.

И только въ этомъ видѣ эта история можетъ составлять часть историческаго очерка, предлагаемаго авторомъ, иначе она совершенно не у мѣста, или даже просто смысла не имѣетъ.

Изложеніе Мартенса діаметрально расходится съ его теоріей методы исторіи международнаго права, какъ введенія въ систему его.

Слѣдующій, 10-й, параграфъ даетъ обзоръ *древне-греческихъ* международныхъ отношеній. § этотъ, сравнительно пространный (стр. 37—50). Его образъ дѣйствія такой же, какъ и въ предыдущемъ параграфѣ, только съ той прибавкой, что, при большей раскинутости изложенія, въ него и просколь-

знули болѣе рѣзкія самопротиворѣчія въ историческихъ выводахъ автора о смыслѣ фактовъ. § 10 съ этой стороны даже не рѣдко поражаетъ читателя. Впрочемъ я здѣсь не столько намѣренъ спорить о результатѣ автора, но я долженъ сказать нѣсколько словъ о способѣ, какъ авторъ дѣлаетъ свои выводы, и для этого приведу подлинныя мѣста изъ его книги, въ томъ же порядкѣ, какъ они въ ней слѣдуютъ другъ за другомъ. Въ заключение сдѣлаю нѣкоторые комментаріи, по указаннымъ для слѣдующихъ здѣсь выносокъ пунктамъ.

Въ древности, также и въ Греціи, уваженіе къ человѣческой личности совершенно не существовало ⁽¹⁾, поэтому международныя отношенія *вовсе* не развиты, и истребительныя войны нескончаемы; господствуютъ *полнѣйшая* (N. V.) разобщенность народовъ и физическая сила (24--5)². Замкнутость *преобладающее* состояніе ⁽³⁾. Международнаго права здѣсь не могло быть даже по теоретическимъ, чисто апіорнымъ соображеніямъ (31, 33)⁴. Замкнутость *нарушается* “постоянной” войной; послѣ нея — правильными торговыми сношеніями, переселеніями и колонизаціей. Эти сношенія расширяютъ умственный и политическій горизонтъ народовъ и вызвали между ними такія учрежденія и обычаи, которыя *противорѣчили* общему духу древняго міра. Но не смотря на эти обычаи (слѣдовательно, извѣстную правильность отношеній) у древнихъ народовъ *совершенно отсутствовало* сознаніе необходимости правильныхъ взаимныхъ сношеній и обезпечивающаго ихъ права ⁽⁵⁾. Востокъ въ этомъ совершенно сходенъ съ классическимъ міромъ, Греціей и Римомъ (34)⁶.

Теократическое устройство государства не могло содѣйствовать развитію международныхъ отношеній. Греція же, казалось бы, должна была сдѣлаться колыбелью сознанія о необходимости международнаго права, по своему географическому положенію, береговой линіи, коммерческимъ сосѣдямъ, богатствамъ страны и способностямъ населенія, и въ особенности по близкому національному и духовному родству между массою греческихъ государствъ, занявшихъ выгодныя мѣста. Надо было ожидать *тѣснаго союза* между ними, международнаго порядка, обезпечивающаго интересы каждаго отдѣльнаго греческаго государства.

“Но на самомъ дѣлѣ мы видимъ совершенно противоположное” ⁽⁷⁾, разочаровывается авторъ.

Въ Греціи нѣтъ кастъ; всѣ граждане равны, но гражданство, *не личность* причина правъ ⁽⁸⁾. Рабство считается необходимымъ государственнымъ учрежденіемъ. Поэтому греки и не могли имѣть сознанія о полномъ равенствѣ народовъ. Каждое греческое государство считало себя превосходиѣе всѣхъ народовъ и государствъ. На неэллиновъ греки смотрѣли съ ненавистью и презрѣніемъ, какъ на враговъ совершенно безправныхъ ⁽⁹⁾. И такъ, заключаетъ авторъ, обезпеченіе міра и международнаго порядка для Греціи не мыслимо.

Въ изложеніи автора далеко не ясно установлено различіе между отношеніями греческихъ государствъ и отношеніями ихъ съ варварами.

“Общественная и политическая жизнь греческихъ государствъ не представляла, ни достаточнаго родства *соціальныхъ* интересовъ для политическаго объединенія Греціи *въ одно государство* ⁽¹⁰⁾, ни должнаго вниманія правительствъ къ нуждамъ народа (необходимаго условія для развитія международныхъ отношеній) ⁽¹¹⁾. Никакого единства не было, ни а) *внутри* греческихъ государствъ, ни б) *между* ними — Разнь и партикуляризмъ характеризуютъ ихъ жизнь ⁽¹²⁾. Но они *не выдерживались* греками *во всей строгости* ⁽¹³⁾. Такой послѣдовательности препятствовало то, что *очень много общихъ* жизненныхъ и культурныхъ интересовъ заставляли греческіе народы отказаться отъ взаимной вражды и поддерживать между собою *самыя тѣсныя связи* (39—40). Этотъ порядокъ вещей наступаетъ послѣ дорійскаго нашествія, когда пробудилось сознаніе о единствѣ греческой націи ⁽¹⁴⁾. Тогда же, *при свободномъ политическомъ устройствѣ*, общественномъ и индивидуальномъ развитіи, расширеніи умственнаго кругозора грековъ, увеличеніи потребностей, *развиваются* международныя отношенія, признаются законодателями и ведутъ къ договорамъ. Аѳиняне были культурнѣе другихъ грековъ; они относились съ *полнымъ* уваженіемъ къ общественнымъ нуждамъ своего народа ⁽¹⁵⁾, поэтому и международная жизнь *ихъ* развитѣе; иностранцамъ было вольно въ Аѳинахъ ⁽¹⁶⁾. — Спарта и дорическія республики, которыя были подъ вліяніемъ Спарты, всѣми силами препятствовали международнымъ сношеніямъ своихъ гражданъ; они изгоняли изъ своей страны всѣхъ иностранцевъ ⁽¹⁷⁾. Развитіе объясняется неодинаковостью государственнаго и общественнаго строя этихъ народовъ (41—42).

Отдѣльныя основанія *для сближенія* греческихъ народовъ слѣдующія.

1) Сознаніе общаго *національнаго происхожденія* всегда пробуждаетъ въ народъ чувство родства и солидарности интересовъ и стремленій. До дорійскаго завоеванія у грековъ нѣтъ общаго имени ⁽¹⁸⁾; послѣ — всѣ греки называются эллинами; и *убѣжденіе въ національномъ единствѣ* сильно умѣрило взаимную ненависть и вражду. Прежде каждое государство считало себя избраннымъ народомъ, центромъ тяготѣнія для всѣхъ другихъ ⁽¹⁹⁾, а теперь это понятіе переносится на весь греческій народъ ⁽²⁰⁾. — Грекъ въ другомъ греческомъ государствѣ иностранецъ, но пользуется нѣкоторымъ признаніемъ своихъ правъ; варвары лишены всякихъ правъ.

2) *Политеизмъ* въ религіи разъединялъ въ древнемъ мірѣ народы ⁽²¹⁾. Въ Греціи Доряне (?) ввели свой собственный культъ и послѣ этого вырабатываются одинаковыя общія религиозныя воззрѣнія и обряды ⁽²²⁾, сгладившія отчужденіе и непріязнь. *Особенно* ⁽²³⁾ сильно вліяли два могущественныхъ органа религіи: оракулъ въ Дельфахъ и олимпійскія игры, имѣвшія *самое* благотворное вліяніе на греческія международныя отношенія.

3) Въ *особенности* соединяло грековъ въ одно цѣлое — цивилизація и культура, охватившая собою всѣ части Греціи. И повсемѣстное преклоненіе передъ представителями знанія и искусства служило яснымъ доказательствомъ *общности культурныхъ стремлений и интересовъ* греческихъ народовъ, *сознаніе* которой было *прочнымъ* основаніемъ взаимной связи и уваженія ⁽²⁴⁾.

4) Важную международную роль играла торговля. Первоначально препятствовало ей возрѣніе грековъ: а) на торговлю и промышленность, какъ занятія унижительныя для высокаго званія гражданина свободной республики; б) на море, какъ естественную преграду, воздвигнутую самимъ божествомъ. Къ концу исторіи Греціи эти предубѣжденія измѣнились ⁽²⁵⁾, и торговля пришла въ цвѣтущее состояніе, но къ торговлѣ присоединяется пиратство; она также средство для ограбленія слабаго; это обстоятельство есть зеркало внутренняго состоянія политическаго и общественнаго строя, что всеобщее господствующее начало — сила ⁽²⁶⁾. Отсюда слѣдуетъ, что греческія государства *не признавали законность* стремленій къ международному соединенію и обязанность способствовать имъ и обезпечить ихъ закономъ ⁽²⁷⁾. Власть относилась къ нимъ только съ терпимостью, вслѣдствіе непреодолимой, непреложной силы *реально* (!) существующихъ потребностей, какъ самаго государства, такъ и его гражданъ, т. е. не по убѣжденію и не ввиду государственной пользы ⁽²⁸⁾. Этимъ *духомъ* опредѣляется также характеръ трактатовъ для *свободнаго* сообщенія гражданъ въ различныхъ государствахъ, въ иныхъ случаяхъ даже съ пользованіемъ всѣхъ или нѣкоторыхъ политическихъ правъ ⁽²⁹⁾. Число этихъ трактатовъ ⁽³⁰⁾ авторъ называетъ небольшимъ и отрицаетъ въ нихъ намѣреніе удовлетворять общественнымъ интересамъ и потребностямъ. “Они вызваны нуждою, съ которою власть не была въ силахъ бороться”; въ нихъ нѣтъ сознанія о необходимости международного права ⁽³¹⁾. Въ *этомъ же смыслѣ* власть была вынуждена признать и иное содействіе международныхъ сношеній своихъ гражданъ: а именно гостепріимство, какъ публичный институтъ, и охранителей иностранцевъ, т. наз. проксеновъ.

5) Греческая колонизація есть послѣдствіе дорического нашествія и политической борьбы. Колоніи постоянно сохраняли самыя близкія связи съ метрополіей ⁽³²⁾, распространяли греческую культуру между варварами и подерживали мирныя отношенія между греческими государствами.

О *военныхъ обычаяхъ* въ древней Греціи авторъ вовсе не упоминаетъ ⁽³³⁾, а приходитъ къ заключенію, что не смотря на объясненный порядокъ международныхъ отношеній, въ древней Греціи международного права, (на этотъ разъ) въ истинномъ значеніи этого слова, какъ совокупности *юридическихъ* нормъ, законовъ ⁽³⁴⁾, не было, потому что:

1) Очеркъ автора убѣждаетъ, что показанныя отношенія только *исключенія* изъ нормальнаго (совершенно инаго) порядка вещей;

2) Доводы противоположнаго воззрѣнія неправильны: а) Амфиктионіи не имѣли важнаго политическаго значенія. Возникновеніе этихъ союзовъ *соеднилъ* городовъ чисто религіозное; права и политики они не касались, но черезъ религію они оказывали свое *дѣйствіе вообще* на сношенія между греческими государствами: они *сближали* народы и *смягчали* ихъ замкнутость. б) Попытокъ политическаго равновѣсія авторъ не признаетъ въ древней Греціи. Союзъ Афинъ съ Оивами противъ Спарты не убѣдителенъ; Аѳины заботились только лично объ себѣ. Отсутствіе понятія о политическомъ равновѣсіи лучше всего доказываютъ успѣхи Филиппа Македонскаго ⁽³⁵⁾.

И такъ какъ 1) основанія приверженцевъ теоріи о существованіи международнаго права въ древней Греціи ошибочны, а 2) международныя отношенія власти не сознавали необходимыми; то древніе греки не имѣли международнаго права.

Общій характеръ этого очерка древне-греческихъ международныхъ отношеній проф. Мартенса уже оцѣненъ мною выше. Полагаю, что выводы автора дѣлали этотъ очеркъ излишнимъ въ системѣ международнаго права. Я выше объяснилъ, почему это такъ. Въ очеркѣ Мартенса заключаются и, кромѣ этихъ общихъ органическихъ недостатковъ, еще и нѣкоторыя неудобныя частныя положенія.

Оригинальный (по своимъ приѣмамъ), смѣлый и рѣшительный характеръ изложенія древне-греческихъ международныхъ отношеній въ книгѣ Мартенса заслуживаетъ, разумѣется, обстоятельнаго отвѣта. Сколько умѣю и могу, я постараюсь посильно дать его. Для лучшаго обозрѣнія его, въ послѣдовательной связи съ сдѣланными выдержками изъ книги Мартенса, я расположу мой отвѣтъ по соотвѣтственнымъ пунктамъ, указаннымъ выше.

1) Что утвержденіе автора о совершенномъ неуваженіи личности въ древней Греціи произвольно, доказываетъ самъ авторъ, упоминая напр. о заботливости властей въ Афинахъ о гражданахъ. Вообще греческое государство было немисливо безъ уваженія челоѳческой личности, оно требовало, въ лучшую эпоху свою, разумной дисциплины надъ гражданиномъ и стремилось сдѣлать его достойнымъ этого высокаго званія: воспитать въ немъ способность къ разумной свободѣ. — Гдѣ здѣсь совершенное отсутствіе уваженія къ челоѳческой личности? Извѣстнымъ *значительнымъ* стѣсненіямъ личность всегда подчинена въ пользу общаго блага; и вопросъ только въ относительной разумности ихъ; послѣдняя имѣла несомнѣнно мѣсто въ греческихъ республикахъ, изъ которыхъ далеко не однѣ только Аѳины заботились о благѣ народа. — Также и индивидуальная свобода греческихъ гражданъ не отсутствовала; и не только законы Солона признавали ее. Мы о значительной привольности ея также имѣемъ достаточныя косвенныя доказательства, напр. въ обширныхъ торговыхъ оборотахъ.

Наконецъ утверждаю, что при подробныхъ сопоставленіяхъ условій индивидуальной свободы личности всѣхъ временъ: пришлось бы часто отрицать

ее тамъ, гдѣ мы ее считаемъ дѣйствующей, если *принципiально* ее отвергнемъ для древне-греческихъ гражданъ. Я даже не говорю о времени послѣ пелопоннесской войны. Случаи возмутительной жестокости на войнѣ и въ междусоборiяхъ доказываютъ, какъ тогда, такъ и нынѣ, не совершенное отрицанiе уваженiя человѣческой личности, а извѣстный архаическiй остатокъ полудикой грубости. То же самое слѣдуетъ сказать о рабствѣ. Цивилизованная Европа, отъ времени до времени, не мало достигала уровня бичуемаго “греческаго варварства”. И даже XIX вѣкъ! А эти сравненiя слѣдуетъ помнить.

Цивилизованный человекъ долженъ быть гражданиномъ; государство не есть коммерческая страховая артель. Эти лучшiе идеалы нашего времени осуществляло греческое государство, при счастливыхъ, благопрiятныхъ условiяхъ.

Слѣдовательно настоящее общее положенiе автора не вполне обдуманно.

2) Всѣ эти смѣлыя утвержденiя авторомъ затѣмъ мало доказаны. Его объясненiя въ слѣдующемъ (15, 24) убѣждаютъ, какъ разъ, отчасти даже въ совершенно противоположномъ.

3) Послѣ “полнѣйшей разобщенности” довольно странно читать “преобладающее состоянiе”.

▣Здѣсь▣слѣдовательно, Мартенсъ удивился бы, если бы было международное право у древнихъ грековъ; а черезъ нѣсколько времени онъ удивляется, что его не было (примѣчанiе 7).

5) Выше мы по этому вопросу уже бесѣдовали.

6) Авторъ по этому поводу впадаетъ въ самопротиворѣчiе по основной теорiи его о соответствiи внутренней жизни государствъ съ ихъ внѣшними сношенiями. Сейчасъ, послѣ этого заключенiя объ общемъ сходствѣ *все-го* древняго мiра по части международной жизни, авторъ характеризуетъ картину внутренней жизни греческихъ государствъ, *рѣзко* расходящейся съ древнимъ востокомъ; слѣдовательно и внѣшнiя сношенiя должны были представлять соответственные различiя. Оно въ *дѣйствительности* такъ и было. Но Мартенсъ желаетъ это игнорировать.

7) Я точно не знаю, что авторъ здѣсь понимаетъ подъ словомъ “тѣсный союзъ” и “обезпеченiе интересовъ”, потому что, на слѣдующей страницѣ, онъ уже замѣчаетъ отсутствiе *одного* общаго государства для всей Греции; а въ заключенiе опять оказываются (начавшiя развитiе послѣ дорiйскаго нашествiя) *самыя тѣсныя связи* между отдѣльными греческими государствами, и учрежденiя и обычаи для нихъ!

8) Гражданство первоначальный источникъ правъ человѣка, но сдѣлавшись *jus gentium*, правиломъ у многихъ народовъ, право личности становится отчасти также самостоятельнымъ источникомъ праваго статуса человѣка въ международной жизни. Греки признавали личность грека. И правда, что, между прочими причинами, оракулъ и игры много содѣй-

ствовали этому; но и игры были немислимы безъ такого признанія личности грека. — Другое дѣло, насколько греки допускали иностранцевъ грековъ въ свое отдѣльное государство; но если они ихъ допускали, они признавали ихъ права въ *достаточной* соотвѣтственной мѣрѣ. Трактаты обезпечивали ихъ въ значительныхъ размѣрахъ, но, конечно, далеко не все эти договоры дошли до насъ. Мы знаемъ многіе. Часто, конечно, и разумная практика замѣняла собою гарантіи формальнаго соглашенія. — Наконецъ, покровительство правила гостепріимства для иностранца вовсе не было отрицаніемъ личности, а было послѣдствіемъ значенія родовой организаціи, и только съ устройствомъ административныхъ общинъ могло получить новый, чисто государственный характеръ, превратиться такъ сказать въ право иностранцевъ.

9) Однако въ число *мѣтѣковъ* поступали также варвары, и, вѣроятно, не только въ однихъ Аѳинахъ; въ древней Греціи обыкновенно нѣтъ такихъ единичныхъ примѣровъ.

10) О требованіи *одного государства* для всей Греціи (значитъ со включеніемъ массы далѣко разбросанныхъ колоній) и не было рѣчи, какъ мнѣ кажется. И требованіе такое было бы совершенно произвольно, ни на чемъ не основанное. Оно не нужно.

11) Относительно Аѳинъ авторъ прямо утверждаетъ противоположное.

Впрочемъ, я затрудняюсь опредѣленно понять дѣйствительный смыслъ утвержденія автора. Я не знаю, къ какой эпохѣ авторъ относитъ упомянутыя здѣсь правительства и народъ, и что онъ подъ ними подразумѣваетъ. Мнѣ извѣстно, что въ эпоху умѣренной демократіи, послѣ паденія олигархіи, правительство исходило изъ широкаго основанія народа, и это правительство заботилось о нуждахъ народа. Такое самое отчасти также было въ непродолжительныя эпохи тиранній.

12) Второе положеніе разумѣется можетъ 1) не совпадать съ первымъ, и 2) можетъ обозначать достаточно удовлетворительное состояніе. Впослѣдствіи авторъ самъ подтверждаетъ, что первое положеніе невѣрно, что оно, въ своей категорической и абсолютной формѣ, ошибочно. — Противоположныя стремленія разныхъ партій присущи каждому свободному государству, а партикуляризмъ не устраняетъ возможности необходимыхъ международныхъ сношеній. Международное право построено на свободномъ сосуществованіи самостоятельныхъ государствъ.

13) Въ какомъ то магическомъ кругу авторъ показываетъ свой историческій фокусъ изъ, непримиримыхъ въ одно цѣлое, противорѣчій въ его собственныхъ ожиданіяхъ и утвержденіяхъ: *не могло быть, должно было быть, не было, было — да не было!!*

Но правда ли, что здѣсь можно говорить о нарушеніи строгаго принципа замкнутости и розни? Есть ли это дѣйствительно только исключеніе изъ

противоположного правила? Авторъ доказываетъ свое положеніе довольно оригинально, онъ выставляетъ на видъ очень много общихъ жизненныхъ и культурныхъ интересовъ и самыя тѣсныя связи мѣжду греческими народами; и основанія этихъ связей и интересовъ приводятся почти сплошь. Они выше отмѣчены. Греческіе народы сознавали общность своихъ культурныхъ интересовъ, сказано тамъ между прочимъ. — При такихъ обширныхъ и значительныхъ исключенияхъ, правило, утверждаемое авторомъ, нуждается въ прямыхъ доказательствахъ. Авторъ же только можетъ указать: (а) на отсутствіе *полнаго* единства греческихъ государствъ; но такого единства и не требовалось для настоящаго дѣла; и (б) на войны и побѣду македонянъ; но онъ забываетъ о продолжительныхъ періодахъ мира, о персидскихъ войнахъ и симмахіяхъ.

Слѣдовательно, утверждаемое Мартенсомъ *правило* не убѣдительно.

14) Мартенсъ не правъ. Это начало слѣдуетъ искать раньше, согласно рассказамъ Гомера, относящимся къ болѣе ранней эпохѣ.

15) Я отмѣтилъ уже отношеніе этихъ фактовъ къ правилу автора. И Аѳины не единственный примеръ въ этомъ родѣ.

16) Что изъ благоустроеннаго и свободнаго государства съ заботливымъ правительствомъ и высокою гражданственностью не вытекаетъ обязательно значительная, *обширная* международная жизнь его, доказываютъ въ древней Греціи, напр., ахеяне VI вѣка.

17) О такихъ безусловныхъ препятствіяхъ для иностранцевъ мы даже относительно Спарты вполне достовѣрно не знаемъ, а о прочихъ республикахъ тѣмъ менѣе. Авторъ часто, въ смѣлыхъ утвержденіяхъ своихъ, ссылокъ на историческіе источники не дѣлаетъ. — Вѣрно, что изгнаніе иностранцевъ изъ Спарты имѣло въ случаяхъ крайней необходимости такого дѣйствія.

18) У Гомера они называются ахейцами.

19) Это утвержденіе по меньшей мѣрѣ исторически не удостовѣряемо.

20) Такое единодушіе опровергаетъ *правило* автора.

21) Неясно, что авторъ думалъ сказать: различіе ли религій у разныхъ народовъ или просто многобожіе; но послѣднее, само по себѣ, не мѣшало ни общенію и даже соединенію народовъ съ одинаковой религіей, ни отношеніямъ между народами съ различными религіями.

22) Эта общность религіозныхъ воззрѣній была всегда; она происходила изъ прародительской общеарійской колыбели и получила свое развитіе вовсе не отъ преобладающаго вліянія дорянъ; мѣстами замѣчалось сильное вліяніе совершенно чужеземныхъ (варварскихъ) элементовъ (финикійскихъ).

23) и 24) Здѣсь конечно, уже трудно для читателя знать, что дѣйствительно «особенно».

25) Читателю дается здѣсь нѣсколько сбивчивое представленіе о хронологіи. Поворотъ этотъ совершается съ переходомъ отъ олигархіи къ демократіи,

т. е. начиная отъ VII вѣка.

26) Авторъ не замѣтилъ той трудности, которая представлялась для борьбы съ пиратами, что и немало объясняетъ отсутствіе мѣръ власти противъ него; слѣдовало также спросить, кто одобряли пиратство, и почему его приходилось терпѣть, только послѣ опредѣленнаго освѣщенія этихъ вопросовъ авторъ могъ бы *отчасти* рѣшиться на свой рѣшительный выводъ (прим. 27).

28) Здѣсь, у автора трудно примиримыя мѣста. Совершенно непонятно, какія это реально (!) существующія потребности самаго государства (и его гражданъ), которыя существуютъ помимо государственной пользы, тѣмъ болѣе тамъ, гдѣ народъ и правительство совпадали.

Далѣе, какія же это общественныя соединенія и отношенія между людьми, которыя не вызваны потребностью? И вѣдь г. Мартенсъ сильно подчиняется теоріи Аренса!

Наконецъ, какъ судить постороннему лицу о психологическомъ моментѣ въ другомъ, какъ не по вѣшнимъ даннымъ. И тогда является вопросъ о томъ, что въ данномъ случаѣ составляетъ *убѣжденіе*, должно ли оно быть чистою любовью или только вѣрнымъ и разумнымъ опредѣленіемъ своей неотложной выгоды, и т. п.? Къ этой то послѣдней, разумно-утилитарной точкѣ зрѣнія и проф. Мартенсъ очень часто сводитъ свою критику правилъ международнаго права, хотя онъ иногда противъ подобнаго приѣма у другихъ писателей, видимо, съ негодованіемъ ополчается.

Во всякомъ случаѣ, по одному идеальному убѣжденію народовъ, нигдѣ и никогда прочный государственный строй и международный союзъ не образовались. Вездѣ въ основаніи потребности, которыя *могутъ* идеализироваться, но это совершается крайне медленно и далеко еще не достигло высокой степени, и во всякомъ случаѣ, безъ этой реальной подкладки неотложныхъ потребностей, разрушилось бы.

29) Оригинальный дуализмъ между духомъ и практикой, безъ надобности туманящей истый смыслъ историческихъ событій, также приписывается этимъ трактатамъ, которые однако совершенно свободно заключались и всегда соответствовали, по крайней мѣрѣ — пользѣ одной стороны, ясно сознававшей ее и убѣжденной въ ней. Схваченный авторомъ духъ полагаю неуловимъ.

30) По количеству дошедшихъ до насъ греч. трактатовъ по вопросамъ международнаго общенія, объ общей численности ихъ, судить нельзя. Можно только смѣло утверждать, что ихъ было гораздо больше сохранившихся.

Для насъ въ нихъ важно: часто повторявшееся сходное содержаніе ихъ.

31) Сказанное недалеко выше о правобубжденіи народовъ дѣлаетъ излишнимъ новыя объясненія на повторяемое авторомъ утвержденіе объ отсутствіи такого *сознанія* у древнихъ грековъ въ ихъ международныхъ сношеніяхъ. Слѣдующіе дальше факты продолжаютъ опровергать автора. — Они не требуютъ отдѣльнаго объясненія.

32) Я полагаю, что, разъ проф. Мартенсъ коснулся этого вопроса, ему слѣдовало обратить вниманіе на то, въ данномъ случаѣ, самое важное обстоятельство, что столько же было *мирныхъ* выселеній, какъ для торговыхъ цѣлей, такъ равно и вслѣдствіе слишкомъ сильнаго наростанія населенія. И эти то мирныя эмиграціи только и сохраняли упомянутую связь съ метрополіей, даже съ нѣкоторою фиктивною зависимостью колоніи отъ метрополіи.

33) Причины этого упущенія для меня непонятны — все что могу сказать!

34) “Совокупность юридическихъ” нормъ есть понятіе системы и къ настоящей аргументаціи не относится, — Далѣе, вольно же автору, такъ сказать, признавать бѣлое за черное, и юридическія правила, несомненно бывшія, считать за воображаемыя исключенія. Но такой пріёмъ вовсе не объясняетъ истинное значеніе слова “международное право”.

35) Утвержденіе, что въ древней Греціи признавалось и соблюдалось извѣстное международное право, далеко не ограничивается одной ссылкой на амфиктіоніи и политическое равновѣсіе; сторонникамъ этого воззрѣнія извѣстны всѣ факты относящіеся къ дѣлу, и слѣдовательно въ гораздо большемъ объемѣ, нежели ихъ желаетъ знать Мартенсъ.

И федеративное начало въ древней Греціи далеко не ограничивается одними амфиктіоніями, какъ это кажется автору. А также вопросъ о политическомъ равновѣсіи не исчерпывается скуднымъ историческимъ матеріаломъ, на который опирается авторъ.

И во всякомъ случаѣ, научно достаточно, данный вопросъ о несуществованіи международнаго права въ древней Греціи разрѣшается не однимъ лишь опроверженіемъ противнаго воззрѣнія, а не иначе, какъ положительнымъ образомъ. Проф. Мартенсъ ни того, ни другаго достаточно и связно не сдѣлалъ; опроверженіе и утвержденія его равно шатки.

Объясненіе значенія амфиктіоніи въ изложеніи Мартенса нѣсколько сбивчиво. Совершенно опредѣленнаго смысла здѣсь уловить нельзя (стр. 48—9). Авторъ, очевидно, требуетъ отъ амфиктіоніи тѣсной федеративной связи, союзнаго государства, хотя послѣднее больше ушло бы въ область государственнаго права. Такимъ образомъ, исходная точка зрѣнія автора нѣсколько тенденціозна. А между тѣмъ авторъ совершенно не подѣлалъ прямое взаимное признаніе основныхъ правъ международнаго права государствами членами въ амфиктіоновыхъ союзахъ: права на существованіе, независимость, равенство. Это коренные элементы, и ихъ также можно было и слѣдовало точно и опредѣленно указать, во всемъ ихъ объемѣ. Это не сдѣлано.

О возникновеніи амфиктіоновыхъ союзовъ у насъ точныхъ данныхъ нѣтъ. Но нѣтъ никакихъ принудительно-убѣдительныхъ доводовъ въ пользу чисто религіознаго ихъ происхожденія, эта гипотеза имѣетъ за себя отчасти только позднѣйшую формацию амфиктіоновыхъ союзовъ. Но намъ извѣстно то

общее явление въ древней Греціи, что разныя культы отдѣльныхъ общественныхъ соединеній обязательно слѣдуютъ за сими послѣдними, религія слѣдуетъ такъ сказать за политикой, и для послѣдней необходима. Эта необходимость несомнѣнна. Отсюда для меня болѣе авторитетна (потому что лучше обоснована) та гипотеза, что первоначальное происхожденіе амфиктіоній (ихъ очень много) *политическое, для союза* (и вѣроятно, съ значительною примѣсью племеннаго родства). И эта связь была, очевидно, довольно продолжительною, чтобы потомъ оставить столь прочныя религіозныя слѣды на много вѣковъ. Съ разселеніями послѣ дорійскаго нашествія политическая связь въ амфиктіоніяхъ должна была ослабнуть. — Амфиктіоніи не только союзы сосѣднихъ городовъ, какъ думаетъ авторъ.

Слѣдующіе параграфы 11–15 (стр. 50–65) характеризуютъ *исторію древне-римскихъ международныхъ отношеній*. Этотъ очеркъ осторожнѣе и обработаннѣе. Предметъ проще; теоріи автора здѣсь больше подтверждаются. Право организованной силы и послѣдовательность связи между государственною и международною жизнью здѣсь болѣе явны. Но обобщая этотъ частный случай, обязательно помнить особое условіе, что Римъ не имѣлъ равныхъ соперниковъ-конкурентовъ въ области своей внѣшней политики; онъ обиралъ одинъ. — Мартенсъ дѣлитъ свой очеркъ на двѣ эпохи — республиканскій и императорскій, хотя, собственно говоря, такой рѣзкой грани для даннаго вопроса мы на этомъ рубежѣ исторіи Рима не находимъ. Своекорыстную и суровую завоевательную политику, съ разными оттѣнками въ судьбѣ завоеванныхъ областей, смотря по обстоятельствамъ, мы находимъ въ обѣ эпохи. И за предѣлы Италіи завоеванія уносятся еще до Имперіи. — Управление областями дѣло государственнаго права.

“Историческая задача римлянъ устраняла *возможность* мирныхъ международныхъ сношеній и было отрицаніемъ международнаго права (1). Исторія Рима сплошная цѣпь завоевательныхъ войнъ (2). Мирные трактаты только перемирія (3). Завоеватель относился къ побѣжденнымъ различно. Населеніе Италіи принималось на положеніи союзниковъ, изъ расчета и вслѣдствіе родства по происхожденію (4).

Съ точки зрѣнія *международнаго права*, наиболѣе важны соглашенія Рима о союзѣ, мирѣ, дружбѣ и гостепріимствѣ, на началахъ равенства и взаимности (*foedera aequa*), съ независимыми друзьями или съ непобѣжденными противниками. “Замѣчательно (?), съ успѣхами римскаго оружія увеличивается число неравныхъ договоровъ”. Потомъ слѣдуютъ подробныя объясненія этого (удивительнаго!) обстоятельства. “Отсюда видно, что римская республика, въ принципе, *не должна была допускать* ни мирныхъ международныхъ сношеній, ни тѣмъ болѣе порядка и права въ нихъ (5).

Но (!) ошибочно думать, что у римлянъ въ эпоху республики не было мирныхъ международныхъ сношеній. Подобно всему древнему міру, духъ рим-

лянь не оставался вполне последовательным! Сила обстоятельств и потребностей были выше воли римского народа (!), нарушали (?) вражду к другим народам, вынуждали в пользу их известные права, особые учреждения и даже изменение строгого гражданского права.

Гостеприимство признается высшей добродетелью и получает санкцию закона. Римляне *нуждались* в сношениях с другими народами. Не принимая активного участия в торговых сношениях, римляне *вполне сознавали необходимость их для Рима*, оказывая им помощь за пределами Рима (6), так что Рим предпринимает войну против пиратства, прекращавшего всякие сообщения столицы с провинциями! (Объяснения автора о римских колониях к делу не относятся. Стр. 60). “В императорский период уже не может быть речи о международных отношениях внутри (внутренне-сплоченной) империи” (также как и раньше!). Автор заканчивает свой очерк обзором главных (7) доводов, приводимых в пользу того, что римский народ и его юристы имели понятие о международном праве в современном (8) смысле этого слова. Из этих доводов 1) *фециальное право* автор считает за пустую обрядность во все (?) периоды римской истории; 2) *неприкосновенность личности посланников* он находит также у полудиких негров внутренней Африки (9); 3) “*recuperatores* бывали только в редких и исключительных случаях” (10); 4) *jus gentium* не касается международных, а лишь частных отношений (11). Оно поэтому не есть, ни доказательство существования международного права в древнем Риме (12), ни тем более, источник для современного международного права (13).

Позволю себе по примеру прежнего сделать к моему резюме выводы проф. Мартенса, следующие комментарии, по указ. пунктам.

1) Первые резкие ноты, которые автор так любит, ниже смягчаются.

2) Но это вовсе не имело место *одновременно для всех*; были напротив и мирные международные сношения и известная регулярность формы в них, подобие международного права. Такой порядок вещей, очевидно, коренным образом изменяет абсолютное положение Мартенса.

3) Это, в большинстве случаев, также и в другие эпохи. О продолжительности этих перемирий Мартенс не упоминает, между тем как эта статистика древне-римской истории в данном случае чрезвычайно важна, для окончательного вывода о практическом значении мирных трактатов древнего Рима.

4) Эти обстоятельства, конечно, доказывают органический характер, прочное основание этого сближения народов; полагаю, что они не в пользу тезиса автора.

5) Все нет! как показывают факты. Принцип в данном случае слагается из жизненных оснований народа, которые заключали в себе

непреодолимую потребность в международных отношениях, как утверждает и объясняет сам Мартенс, в своем очерке древне-римской дипломатии. А раз у римлян были мирные отношения с другими народами, они у римлян то и должны были привести к известным *определенным* порядкам и обрядам.

6) Полагаю, что *непосредственный* смысл этих фактов ясен, и, конечно, заставляет не соглашаться с упрямой теорией “непоследовательности”, проповедуемой автором.

7) Но кроме их имются еще и другие главнейшие, отчасти указанные автором выше.

8) О таком абсолютном тождестве, строго говоря, вполне определенной и ясной рѣчи, кажется, и не было. В частности замѣчу, что и международное право Зѣчи (хотя и *jus inter gentes*) *не вполне современное*. Наконецъ здѣсь нельзя не обратить вниманія на то, что (можетъ быть иногда и не вполне сознательно) *опредѣленія понятія* международного права, и изложенія его системы, в большинствѣ случаевъ, а в томъ числѣ также у проф. Мартенса, считаютъ *современное jus gentium* вѣ угол. и гражд. правѣ за составную и значительную часть системы соврем. междунар. права.

9) Эта аргументація *противъ* — признаюсь, довольно оригинальна. Я вижу здѣсь только одно: думаю, что последовательное проведеніе метода такой аргументаціи дало бы поразительные результаты: *не въ пользу* современного международного права, напр. и по этому же самому вопросу о неприкосновенности личности посланника: у полудикихъ такой же принципъ, слѣдовательно — у насъ онъ не можетъ имѣть права гражданства, какъ юридическое начало и средство доказательства въ пользу международного права! Таковъ, логически, долженъ быть выводъ Мартенса. — И далѣе, если, по методѣ автора, опредѣлить значеніе современного международного права, *на основаніи его собственныхъ выводовъ о древне-греческомъ международномъ правѣ!* □ □ тогда совершенно погубили бы международное право черезъ самоубійство.

10) Все таки, однако, достаточно часто и, сравнительно, систематично для того, чтобы за этимъ учрежденіемъ признать *органическое* значеніе.

11) Но оно возникаетъ какъ частное право въ международномъ оборотѣ. Мартенсъ самъ объясняетъ это *и далѣе этой точки зрѣнія даже не уходитъ*, объясняя юридическую сторону понятія римскаго *jus gentium!*

12) Повторяю, что самъ авторъ включаетъ въ свою систему международного права т. наз. частное международное право (юридически мало выясненное авторомъ), какъ отрасль или функцію “международной администраціи”. Слѣдовательно, по крайней мѣрѣ, эта часть международного права должна быть признаваема въ древнемъ Римѣ. Почему этого нельзя сдѣлать, авторъ не пояснилъ.

Авторъ, очевидно, хватилъ здѣсь черезъ край, полемизируя противъ другой возможной крайности.

13) Этого источника совершенно отрицать нельзя. Ясно, что онъ сохранять известное значеніе, вмѣстѣ съ римскимъ правомъ вообще, и поэтому, конечно, не лишенъ силы дѣйствія, въ области частнаго международного права, до настоящаго времени.

Средніе вѣка (стр. 65–85) § 16–20.

Авторъ распространяетъ первый періодъ исторіи международныхъ отношеній до 1648 г. Дѣйствія *международнаго права* Мартенсъ за все это время *не признаетъ*. Но онъ обѣщаетъ дать явную характеристику, съ одной стороны *условіи*, устранявшихъ возможность такого права также въ средніе вѣка, а съ другой — *условіи*, при которыхъ зародились и развились основанія новаго международного права въ средніе же вѣка.

Успѣхъ попытки автора не большой. Онъ часто касается, безъ причинъ, вопросовъ, къ дѣлу не относящихся. Самое дѣло онъ мало исчерпываетъ съ достаточною убѣдительною. Не рѣдко историческіе факты освѣщаются имъ неправильно. Наконецъ, авторъ — историкъ идей, обобщитель-философъ, излагая свой очеркъ, не всегда удовлетворяетъ правиламъ логики. Изложеніе сбивчиво и нерѣдко оставляетъ читателя въ недоразумѣніи.

Хорошо, конечно, известно, что средніе вѣка для историка международныхъ отношеній, кажется, самый трудный періодъ; онъ не вполне выясненъ, и составитель очерка “средневѣковыхъ международныхъ отношеній”, для учебника, долженъ подчиняться нѣкоторымъ грѣхамъ предшественниковъ по работѣ. Это правда, но и тѣмъ болѣе заставляетъ автора быть осторожнымъ. Мартенсъ не соблюдаетъ этого условія. Но и не смотря на такой характеръ очерка средневѣковыхъ международныхъ отношеній въ курсѣ Мартенса, онъ даетъ случай поговорить по поводу методы нѣкоторыхъ вопросовъ этой исторіи. — Я буду слѣдовать порядку изложенія автора. Послѣ обозрѣнія выводовъ автора, я сдѣлаю объясненія по отмѣченнымъ здѣсь въ текстѣ пунктамъ.

“Средніе вѣка — эпоха господства кулачнаго права, высшаго развитія физической силы и произвола; война также непрерывно внутри государства; не могло быть рѣчи о международномъ правѣ.

Но средніе вѣка внесли въ международныя отношенія новыя принципы, направленія и факторы, — принципъ личности, какъ источникъ индивидуальной и политической свободы, а также солидарность вѣрованій и нравственнаго міросозерцанія. “Кромѣ того права человека, въ средніе вѣка, зависятъ отъ принадлежности къ католической церкви” (стр. 24–27) авторъ, очевидно, желаетъ выразить ту мысль, что надъ принципомъ мѣстной власти стояло еще высшее, *космополитическое* начало.

“Вообще не столько грубая сила, сколько идеи и нравственные силы, скрывающиеся въ ней, управляютъ международными отношеніями въ средніе вѣка (стр. 80)¹”.

“Основанія международныхъ отношеній древняго міра несравненно легче опредѣлить, нежели въ средніе вѣка; въ послѣднихъ начало “современной” международной системы (стр. 65)”.

Мѣсто павшей римской имперіи заняли варвары, характеристика которыхъ *объясняетъ* средне-вѣковую исторію.

1) Варвары *безгранично* уважаютъ физическую силу, какъ источникъ *всякаго* права; это отразилось на феодальномъ порядкѣ. (Авторъ, вѣроятно, хотѣлъ сказать, “какъ источникъ всякаго могущества и власти”. Онъ во всякомъ случаѣ преувеличиваетъ объясняемое дѣло; варвары такого безграничнаго уваженія физической силы въ своихъ союзахъ не знали, а подчинялись опредѣленному порядку).

2) Другая особенность варваровъ стремленіе къ индивидуальной свободѣ (2); *они проникнуты идеей личности и ея права, чего древній міръ не зналъ* (3). Каждый свободный человѣкъ считалъ себя, былъ самъ по себѣ, субъектомъ извѣстныхъ правъ по принципу личности, куда бы онъ не явился, независимо отъ территоріальныхъ законовъ (4). *Для варваровъ государство ничто*.

Начало личности приводитъ послѣдовательно къ уничтоженію государства; оно естественно породило феодальную жизнь западной Европы (5), но оно огромный прогрессъ, необходимое основаніе всякаго порядка. Варвары впервые внесли это начало въ европейскую жизнь (6).

3) Третій факторъ средневѣковаго быта — христіанская религія. Религіи древняго міра не были элементомъ смягчающимъ человѣческія отношенія (7), уничтожающимъ разъединеніе народовъ и вражду ихъ (8). Христіанство соединило западно-европейскіе народы въ одно *церковное общество* и дало общій источникъ духовнаго ихъ развитія, оно умѣряло суровый характеръ также международныхъ отношеній вѣка. Съ *развитіемъ власти папы все болѣе укрѣпляется сознаніе общихъ культурныхъ, соціальныхъ и политическихъ задачъ* (9) *всѣхъ* христіанскихъ государствъ. Ихъ разрѣшеніе зависитъ, въ значительной степени, отъ папы: каноническое право образецъ для уголовного и гражданскаго права (10). Папа блюститель и судья надъ государствами.

Примѣч. 1) Изложеніе автора нельзя назвать связнымъ. Если идеей считать господство грубой физической силы, то это было бы пожалуй согласно съ принятымъ тономъ идейной исторіи автора, но, въ такомъ случаѣ, непонятно слѣдующее за симъ возвышеніе первенствующей идеи надъ господствомъ силы.

Насколько *личность* есть источникъ свободы и правъ, а именно вовсе не на столько, какъ думаетъ авторъ, указано имъ же, когда возможность свободы

и правъ онъ ставить въ зависимость отъ субъективной силы лица, а признание челоуѣка ограничивается католическимъ міромъ.

2) Этотъ пунктъ авторъ не приводитъ въ должную связь съ предыдущимъ первымъ.

3) Господство субъективнаго права у варваровъ подтверждается. Но признается не право личности вообще, не идея личности, а признаются только права извѣстнаго круга лицъ и существуютъ *степени* правоваго статуса. Историки и юристы, кажется, часто ошибались въ оцѣнкѣ начала личности у германскихъ варваровъ, разрушившихъ римскую имперію, распространяя свое обоженіе на такую область, которая, какъ оказывается *de facto*, имъ не вполне компетентна. Въ узкихъ рамкахъ исторіи среднихъ вѣковъ и новаго времени на Западѣ Европы, многіе писатели утверждали, что у варваровъ признавалась *личность*, какъ обладатель субъективныхъ правъ; что это начало потомъ почти погибаетъ, оставаясь достояніемъ *немногихъ* свободныхъ, но въ силу своей неистребимой врожденности германскимъ народамъ, какимъ то чудомъ — воскресаетъ въ новое время, не смотря на то, что средніе вѣка были совершенно достаточно продолжительны, чтобы предупредить возрожденіе идеи права личности этимъ порядкомъ. — Правда, возрожденіе идеи личности произошло и служить основаніемъ нашей культурной среды. Но извѣстно, что оно подготовлялось и совершалось медленно, подъ вліяніемъ чрезвычайно *много* сложной сѣти многихъ, равносильныхъ между собою, историческихъ событій.

Съ всемірной, універсальной точки зрѣнія, идея права личности, въ смыслѣ автора, вовсе не зарождается только у варваровъ, разрушившихъ римскую исторію, и вовсе не исключается для древняго міра. Сравнительная исторія права показываетъ намъ идею личности у всѣхъ арійскихъ племенъ въ варварскую эпоху ихъ. Наступаетъ за симъ время подавленія ея, по случаю государствообразованія: какъ вслѣдствіе господства произвола, такъ и утробанной общественной дисциплины. Тѣмъ не менѣе изъ этого положенія возможно новое возникновеніе уваженія права личности, какъ доказываютъ новая Европа и нѣкоторые примѣры древней Греціи, въ особенности реформа Солона.

4) Трудно, признаюсь, понять точный смыслъ въ объясненіи автора, не указывающаго хронологическихъ предѣловъ для своего положенія. — Затѣмъ; такой территоріальной независимости для права личности, какъ авторъ утверждаетъ, въ принципѣ не было. Кромѣ того слѣдуетъ имѣть въ виду тѣ условія, при которыхъ *начало личнаго права* въ эту эпоху признавалось: въ отношеніяхъ побѣдителя къ побѣжденному, въ отношеніяхъ разныхъ племенъ, подвластныхъ общему правительству, въ области уголовного и наследственнаго права. Признаннаго космополитическаго значенія начало личнаго права не имѣло. Наконецъ свободный челоуѣкъ могъ являться только туда, куда его

пускали и принимали, а для принимающих составляло расчетъ принимать *годнаго* новаго члена въ томъ званіи и чинѣ, въ которомъ онъ былъ раньше, иначе для него не было приманки для перехода. Также оставленіе побѣжденныхъ, при нѣкотораго рода правовомъ *status quo*, не означаетъ уваженія къ праву личности, а административную неопытность и отсутствіе расчета дѣйствовать иначе.

Когда эти условія измѣнились, тогда, сравнительно быстро, и общее начало личнаго права исчезло.

5) Мое замѣчаніе покажется, быть можетъ, слишкомъ радикальнымъ, но всетаки я долженъ не согласиться съ этой довольно обычной теоріей, которая упускаетъ изъ виду дѣйствительную связь фактовъ.

Я нахожу, что у варваровъ (значить и для нихъ) государство, по крайней мѣрѣ, *нѣчто*. Оно образуется у нихъ, какъ и вездѣ, подъ вліяніемъ настоятельной необходимости, для безопасности; укладывается въ опредѣленные, первичному обществу свойственныя, несложныя формы. Начало личности признается въ этомъ преобладающе-республиканскомъ устройствѣ; но оно подчиняется порядку; потому непонятно, какъ и почему оно должно было привести *eo ipso*, въ послѣдовательномъ развитіи своемъ, къ уничтоженію государства и *естественно* породить феодализмъ. Феодализмъ, какъ распаденіе общественной власти по рукамъ бароновъ есть результатъ неспособности — водворить необходимый централизованный порядокъ, въ быстро собранныхъ громадныхъ государствахъ.

Завоевательная политика служить здѣсь посредствующимъ звѣномъ. Здѣсь и начало значенія личной службы и будущей феодальной аристократіи. Успѣхи ея политическаго значенія зависятъ вездѣ отъ характера противодѣйствія ей княжеской власти. Изъ результата этого соотношенія вытекаетъ характеръ будущаго строя; въ данномъ случаѣ онъ выразился въ феодализмъ, по различнымъ внѣшнимъ причинамъ и, пожалуй, благодаря отчасти также случайнымъ обстоятельствамъ, мѣшавшимъ консолидаціи государства.

И такъ, феодализмъ вовсе не есть математически необходимая функція начала права личности. Онъ и не есть исключительно средневѣковой Европѣ свойственное явленіе.

6) Оно было совершенно естественно раньше, но потомъ также является самостоятельно.

7) Изъ древнихъ религій смягчали человѣческія отношенія — религія древнихъ грековъ, буддизмъ.

8) Насколько это возможно въ человѣческомъ обществѣ, заслуга такого примиренія принадлежитъ и другимъ религіямъ. Выводы Мартенса, поэтому, слишкомъ смѣлы. Задатки христіанства шире и свободнѣе. Это несомнѣнно! Но звѣрски суровый, подчасъ, характеръ среднихъ вѣковъ, также въ области международныхъ отношеній хорошо извѣстенъ.

9) Мартенсъ широко виражае своју мисль, фактичское содержаніе которой на дѣлѣ было, однако, довольно маловажно. Папы уже рано имѣли ввиду свою власть надъ народами; но общія политическія и соціальныя задачи послѣднихъ интересовали ихъ всегда съ исключительной точки зрѣнія папскаго могущества.

10) Это не нужная вставка, она къ дѣлу не идетъ.

Замѣчу, что авторъ не пытался указать взаимную связь въ исторіи между двумя характеристическими чертами жизни германскихъ варваровъ и христіанствомъ.

Въ (слѣдующемъ) § 17, авторъ утверждаетъ, что послѣ указанныхъ трехъ элементовъ средневѣковой жизни *не трудно определить, какіе* отъ нея произошли спеціальные и политическіе результаты и какія международныя отношенія (1).

Между *фактическими* условіями, среди которыхъ дѣйствовали означенные элементы, *важную* роль играло отношеніе варваровъ къ покореннымъ народамъ (2), оставленіе послѣднимъ ихъ порядковъ, которыхъ варвары не могли и не считали нужнымъ уничтожить. Сами же варвары подпала господству римской культуры (3). Кроме того *нашествія варваровъ* вызывали въ южной Европѣ развитіе городскихъ поселеній: богатый зародышъ (4), содѣйствовавшій возвышенію королевской власти и устройству нынѣ существующихъ государствъ.

Руководящую роль пріобрѣли Франки. Они вступаютъ въ тѣсный союзъ съ папою. Имперія Карла Великаго центръ всей политической и международной жизни *эпохи*. — (§ 18.) Но это — заслуга одного гениальнаго лица, и послѣ него мы видимъ *неудержимое разложеніе власти*, во Франціи, Италиіи и Германіи (5).

Подъ вліяніемъ этихъ центробѣжныхъ стремленій (6) вырабатывается феодальный порядокъ (7), т. е. каждое лицо, съ достаточными *матеріальными* (какими?) силами (для поддержанія своихъ правъ) — государь, отъ котораго менѣе сильные лично зависимы, будучи обязаны подчиняться ему, такъ какъ они у правительства (котораго не было) (8) защиты не находили. Всѣ отношенія личны, вассальны. Основаніе вассальности — владѣніе землею и подчиненность. Феодальный сеньёръ полный суверенъ (9) въ своей области. Остальное населеніе европейскихъ государствъ составляли незначительное число *номинально* свободныхъ и громадная масса крѣпостныхъ (10).

Аристократія феодаловъ — правительствующій классъ, преданный непрерывнымъ частнымъ войнамъ, которыя составляютъ въ эту эпоху поэзію существованія народовъ. — Право частной войны привело къ анархіи, къ огрубѣнію нравовъ и царству кулачнаго права, высшему выраженію принципа личности (индивидуальной силы) (11). Но оно породило и реакцію тѣхъ, кто въ кулакѣ не видѣли основанія права *или* не могли рассчитывать на это средство

самообороны ⁽¹²⁾; они соединялись в союзы, образуя множество отдельных социальных групп: так поступали городские общины, корпорации, гильдии цехи. Этот порядок вещей оказал существенное влияние на международные отношения, обуславливал отсутствие порядка и законности в них и преобладающее значение грубой силы ⁽¹³⁾. Мирные сношения составляют редкое исключение и остаются без покровительства государственной власти. Положение иностранцев при этом тяжёлое, они вполне зависели от усмотрения владельца земли. Этот владелец — естественный наследник всего имущества умершего иностранца (*droit d'au-baine*). Береговое право (*droit de naufrage*) касалось даже свободы и жизни лица, потерпевшего кораблекрушение. Войны представляють ряд всевозможных жестокостей, феодальное рыцарство не останавливалось ни перед какими ⁽¹⁴⁾ насилиями, и даже вёроломство было употребительнейшим средством (вопреки правилу).

Примѣч. 1) Мнѣніе автора приводит читателя в недоумѣніе. Онъ долженъ полагать, что изъ этихъ трехъ элементовъ онъ можетъ à priori вывести всю послѣдующую капризную измѣнчивость событій, всякія возвышенія и паденія политическаго могущества, зависѣвшія, въ такой значительной степени, всегда отъ гениальныхъ личностей, и опредѣлявшія характеръ періода не вездѣ одинаково.

2) Для меня мысль и связь этого мѣста не ясны, при сопоставленіи его съ приведеннымъ сейчасъ выше положеніемъ автора. А если здѣсь говорить о такихъ фактическихъ условіяхъ, то также нужно было бы указать на роль условій, происходившихъ отъ характера мѣстности и распределенія народонаселенія въ странахъ, о которыхъ у насъ рѣчь.

3) Этотъ фактъ также одинъ изъ *общихъ исходныхъ элементовъ* средневѣковой жизни, и долженъ стоять на ряду съ прочими.

4) Несомнѣнная вѣрность отдельныхъ приведенныхъ фактовъ однако не устанавливаетъ между ними той необходимой причинной связи которую предполагаетъ авторъ. Но правда, что и рассказъ автора (р. 70) шаткій. — Сколько извѣстно, указываемый источникъ усиленія городскихъ поселеній вовсе не единственный. А *развитіе* городскихъ поселеній, уже во всякомъ случаѣ, никакого такого исключительнаго значенія, какъ думаетъ Мартенсъ, *отъ варваровъ* не получило.

5) Строго говоря, въ смыслѣ понятія власти, власть даже не разлагалась; говоря словами автора, можно сказать, что она *локализовалась*, и, благодаря этому, хотя и своеобразно, но усиливалась. Въ великой монархіи и ея большихъ частяхъ она была слишкомъ слаба, мало реальна, и, при обыкновенныхъ условіяхъ: *непосредственно, прямо* развиться не могла, не сдѣлавшись предварительно устойчивою въ отдельныхъ областяхъ. Эта мозаичная работа была неизбѣжна, и средніе вѣка приготовили матеріалъ — для прочной укладки общественной власти, на большихъ пространствахъ территоріи, въ

последующія времена. Это происхождение устроенной общественной власти отзывалось долго въ эру новыхъ учрежденій центральной власти.

6) Если подъ словомъ центробѣжныя стремленія подразумѣвать преобладающую субъективную наклонность, то надо имѣть въ виду, что если она и была (и она *всегда* есть), то ей должны были помогать, для достиженія цѣли, другія *необходимыя* условія; таковыми были: недостаточность правительства центрального, административное неумѣнье, недостатокъ въ средствахъ, разбросанность владѣній.

7) Понятіе феодализма, какъ отличительнаго *политическаго* явленія среднихъ вѣковъ, опредѣлившаго общественный складъ жизни всей эпохи, не всегда достаточно строго опредѣляется съ этой специфической стороны своей, которая заключается въ локализациі всей или большей части общественной власти, принадлежащей, по нашимъ понятіямъ, образовавшимся громаднымъ агрегатамъ, сведеннымъ благодаря завоеваніямъ. И объясняемая децентрализациія, послѣдовательно, происходитъ на патримоніальныхъ началахъ. Она, или полная и окончательно разрушаетъ центральную власть, или ослабляетъ ея дѣятельность существенно.

Авторъ, кажется, имѣетъ въ виду такой же смыслъ феодализма, но онъ не послѣдователенъ; онъ полагаетъ въ другомъ мѣстѣ, р. 83, что феодализмъ пустилъ самыя глубокіе корни въ Англій, не смотря на то, что “онѣ здѣсь имѣли совершенно другой характеръ” (говоритъ авторъ), а “именно король оставался дѣйствительнымъ главой и покровителемъ мира и порядка въ странѣ”. Равно и magna charta отъ 1216 г. не устанавливаетъ патримоніальнаго порядка. *Власть въ странѣ верховная и единая*. Ленныя отношенія *ступень* къ феодализму, но, отдѣльно, они не сооставляютъ его. И въ Англій они къ нему не привели.

8), 9) Авторъ обобщаетъ здѣсь частныя явленія поспѣшно и неосмотрительно. Короткую эпоху такого, мѣстами, крайняго феодализма, онъ выдаетъ за общій законъ его. Читатель, конечно, догадается, что сейчасъ приведенный отзывъ *автора* объ англійскомъ феодализмѣ, составляетъ, съ точки зрѣнія *его* безпредѣльнаго обобщенія сути феодализма, крайнее самопротиворѣчіе. Извѣстно, что политическій феодализмъ имѣетъ различныя степени; въ Германіи полный суверенитетъ сеньера-барона нигдѣ не признавался; ступени его власти были очень разнообразны, по времени и по мѣсту, и безъ строгихъ правилъ.

10) Значитъ, начало права *личности* совершенно поглощалось физической силою, могуществомъ немногихъ сильныхъ!

11) Смыслъ, придаваемый авторомъ выраженію “принципъ личности”, не постоянный. Въ данномъ случаѣ мы узнаемъ такую важную вариацию его, по которой суть принципа личности можетъ не имѣть *никакого* “положительнаго общественнаго” значенія, будучи тождественъ съ грубымъ разбоемъ не-

обузданного дикаго варварства. — Или искать принципиальное различіе между принципомъ, идеей и правомъ личности, по существенному содержанию ихъ? Авторъ не указываетъ его! и я не могу его найти.

12) Последнее несомнѣнно вѣрнѣе перваго.

13) Это и слѣдующее: наглядная иллюстрація *для значенія* идеи личности и христіанства въ эту эпоху.

14) Были ограниченія въ правилахъ войны для рыцарей; авторъ, черезъ нѣсколько страницъ, объ нихъ упоминаетъ.

Далѣе (стр. 76–86) авторъ обозрѣваетъ *элементы зарожденія новаго общественнаго строя въ средніе вѣка* (1). Подъ *вліяніемъ общихъ условій* соціальной жизни этой эпохи зародились и развились *начала*, на которыхъ *основывается европейское международное право* (слѣдующей эпохи)...

I. Общественный строй средних вѣковъ, не смотря на феодальную раздробленность, болѣе или менѣе одинаковъ: въ массѣ своихъ частицъ, у которыхъ одинаковыя потребности и стремленія (2).

а) *Аристократія* зависитъ не столько отъ рожденія, какъ отъ *личныхъ* способностей (3). Между нею и прочими сословіями *нѣтъ* кастической пропасти, благодаря началу личной службы. Римская церковь сильно (?) вліяла на такое смягченіе аристократическаго духа. Далѣе аристократъ одной земли чувствовалъ себя какъ дома также въ другой странѣ, напр., нѣмецъ въ Италіи и т. д., сохранялъ тѣ же права и пр. (4) Этотъ *космополитизмъ* получилъ свое высшее выраженіе въ рыцарствѣ (покоящемся на личной службѣ), которое жило въ *братствѣ*, не зная территориальныхъ границъ (5). Рыцари, первые, провозгласили идеи правды и справедливости въ области международныхъ сношеній. И преступления рыцарей противъ этихъ идей *не опровергають* послѣднихъ (6).

б) *Торговое и промышленное сословіе* образовало *коммуны* съ правами феодаловъ, которыя управляли и защищали себя, и составляли иногда союзы между собою, напр. Ганзейскій.

в) Положеніе крестьянскаго населенія *также* вездѣ одинаковое (7). Уходя съ одной земли на другую *не давали имъ свободу* (8). Только мало-по-малу города начали освобождать бѣжавшихъ къ нимъ крѣпостныхъ.

Кромѣ того мирному сближенію народовъ содѣйствовали д) *церковь и папа*. Они поддерживали крестовые походы. Папа былъ часто третейскимъ судьей. Соборы постановляли о божьемъ мирѣ, объ отмѣнѣ береговаго права.

е) Бывали частныя соглашенія объ охраненіи мира, о рѣшеніи будущихъ споровъ третейскимъ судомъ, безъ употребленія силы.

Но *одни эти условія* (7^а) не обезпечивали *прочный* миръ между народами, при отсутствіи твердой правительственной власти и надежнаго порядка въ государствахъ. — Эти послѣднія условія пока не существовали на Западѣ Европы (8). Слѣдовательно, не могло быть международныхъ отношеній, какъ они

понімаються нынѣ. Они тогда происходили не между государствами. Отсюда преобладаніе въ нихъ значенія грубой силы и анархіи ⁽⁹⁾.

Начала права и порядка проникають въ международныя отношенія подъ вліяніемъ падающаго феодализма ⁽¹⁰⁾ и зарождающейся королевской власти.

II. Многія силы участвовали въ *разрушеніи феодальнаго строя*. Одною изъ причинъ были а) крестовые походы. Они разрушили замкнутость европейскихъ народовъ, ознакомили европейцевъ съ востокомъ, и *въ этомъ отношеніи служили залогомъ (?) ⁽¹¹⁾ развитія мирной (?) международной жизни на западѣ Европы*. Они уравнивали средневѣковые общественные классы (въ сознаніи христіанскаго братства) и *создавали внутреннее единство государствъ ⁽¹²⁾*.

Еще болѣе подорвали политическій авторитетъ вассальства-б) *легисты*, но *больше ⁽¹³⁾ всего* в) *союзъ королей съ городами*, заключенный для общей борьбы съ феодалами. Только въ городахъ, въ средніе вѣка (а), есть осуществленіе принципа государственности, сознаніе необходимости государственнаго порядка. *Отсюда* они распространяются на государства. Въ области международного права ⁽¹⁴⁾ заслуги городскихъ общинъ *не менѣе*; поддерживая международные торговые обороты, они силою вещей должны были опредѣлить необходимые обычаи, и такъ возникли сборники морскихъ торговыхъ обычаевъ ⁽¹⁵⁾.

Союзъ королей съ городами привелъ, *повсемѣстно ⁽¹⁶⁾ въ Европѣ, къ возвышенію* королевской власти. Но *дѣйствія* этой реформы не одинаковы въ различныхъ западно-европейскихъ государствахъ.

Во *Франціи* сознаніе національнаго единства твердо укрѣпляется въ вѣковую войну ея съ Англіей, и исходъ упорной войны короля съ феодалами увѣнчался успѣхомъ въ пользу *сильной монархической власти ⁽¹⁷⁾*. Это создало для Франціи первенствующую роль ея въ Европѣ, въ теченіи трехъ столѣтій.

Иначе организовалась государственная власть въ *Англіи*. Государственный порядокъ сложился здѣсь въ смыслѣ *общности интересовъ короля и народа ⁽¹⁸⁾*. Это различіе и отразилось на цѣли дипломатіи обѣихъ странъ.

Германская имперія вовсе не могла собраться и служила жертвой всякихъ замѣшательствъ въ пользу другихъ державъ ⁽¹⁹⁾.

Въ *Италіи* феодальный порядокъ выразился первоначально въ богатыхъ коммерческихъ республикахъ. Но ихъ истощаетъ непримиримая распря партій и отдаетъ ихъ въ жертву завоевателямъ, послѣ чего Италія покрывается множествомъ слабыхъ государствъ. — *Испанія* до XV в. большею частью подъ властью мавровъ.

III. *Независимо ⁽²⁰⁾ отъ* этихъ причинъ, *большое* вліяніе на внутреннюю и международную жизнь европейскихъ государствъ имѣла.

Эпоха возрожденія классической культуры, на основѣ которой сложилась *общая умственная жизнь* западныхъ народовъ и международный обмѣнъ ея.

Кромѣ того, изобрѣтеніе книгопечатанія, пороха, компаса, введеніе постоянныхъ войскъ и различныя открытія въ области географіи: также содѣйствовали⁽²¹⁾ измѣненію феодальнаго и установленію новаго общественнаго строя Европы.

И такъ, въ древнемъ и средневѣковомъ мірѣ, право физической силы — руководящій принципъ всѣхъ международныхъ сношеній⁽²²⁾.

Примѣч. 1) Авторъ приводитъ здѣсь факты, служившіе основаніемъ для перехода къ новой эрѣ. — Успѣхъ объясненія такой естественной исторіи развитія европейскаго общества зависитъ отъ *способа* объясненія.

Професоръ Мартенсъ дасть перечень фактовъ, знакомыхъ читателю и учащемуся юристу. — Не буду здѣсь спорить, было ли оно вообще нужно заняться здѣсь этимъ объясненіемъ, соотвѣтствуетъ ли оно строгой систематичности изложенія курса международного права и даже плану автора (см. стр. 8 настоящей статьи), а обращусь къ матеріальному разбору его: я ожидалъ найти не только перепечатаніе достаточно извѣстныхъ фактовъ, но также ясное *опредѣленіе* “связи между нами и сравнительнаго ихъ значенія”. При такихъ условіяхъ очерки автора *могли бы* достигнуть научной цѣли. Но авторъ этой услуги не оказалъ. Его объясненіе, въ цѣломъ, довольно смутно.

1^a) Въ *этой формѣ* мысль фразы автора не достаточно ясна. Развивается, въ *смыслѣ* автора, только одно “начало”: суверенитетъ княжеской власти. — *Солитарность* интересовъ между народами гораздо меньше, нежели въ классическомъ античномъ мірѣ.

Автору очевидно потребовалось сказать, что, какъ реакція противъ средневековаго строя, развились порядки, изъ которыхъ впоследствии, медленными шагами, образовалось новое европейское международное право. Ср. стр. 76 и 80.

2) Однако, само по себѣ, это обстоятельство не сближало народы между собою. Припомнимъ, что такая одинаковость была, еще въ большей степени, въ Индіи.

3) Это, по меньшей мѣрѣ, крайне сомнительно. Феодальный порядокъ окончательно закрѣпощенъ именно благодаря началу *наслѣдственности* въ вассальности, и установившаяся сильная кастичность аристократіи остается ея привилегіею, замѣтные остатки которой простираются еще до XVIII в.

4) Но это происходило на началахъ частнаго гостепріимства, а *вовсе* не предоставлялось неограниченно и безусловно.

5) Какъ раньше (4), такъ и здѣсь, слѣдуетъ имѣть въ виду, что такой космополитизмъ имѣлъ примѣненіе *между народами* всетаки довольно рѣдко, и что также часты случаи нарушенія. Сфера этого космополитизма, въ результатъ, ограничивалась, преимущественно, территоріей одного народа, распавшагося на много сеньорій.

6) Насколько въ рыцаряхъ, все-таки, преобладали грубость и варварство, доказываетъ довольно краткое существованіе нѣсколько добропорядочнаго

рыцарскаго духа, и окончательное огрубѣніе и впаденіе его въ разбойническое варварство и невѣжество, приближаясь къ эпохѣ возрожденія и реформаціи. Эта эпоха *сдѣлалась* проповѣдницею правды и справедливости, конечно, не по традиціи рыцарства.

7) Полагаю, что это обстоятельство никакой связи не имѣетъ съ обсуждаемымъ вопросомъ.

7^a) Хорошо! Но какое значеніе они имѣютъ, въ связи съ королевскою властью, для международныхъ отношеній? Въ описанномъ у автора смыслѣ “*никакою*”? Королевская власть разрушаетъ автономію этихъ элементовъ.

8) Однако твердая правительственная власть и суровый *порядокъ* въ государствахъ также не обезпечили прочнаго мира между народами. Впрочемъ даже не ясно, къ какому времени проф. Мартенсъ относитъ начало новой власти. Исторія даетъ намъ опредѣленные примѣты начала этой эры! — *Новыя* международныя отношенія, въ значительной мѣрѣ, исчерпывались завоевательною политикою, постоянно грозившею нарушеніемъ прочнаго мира. Эту характеристику самъ авторъ потомъ проводитъ до начала нашего столѣтія.

9) Мы однако должны различать между феодальными отношеніями и отношеніями международными. Были тѣ и другія. Первые, конечно, были гораздо чаще: количество субъектовъ было несравненно больше и употребленіе грубой силы чаще имѣло мѣсто. Общая масса ея, вѣроятно, также повторялась въ международныхъ отношеніяхъ, но въ большихъ, одновременно, порціяхъ, и поэтому безъ стольже явнаго и рѣзкаго характера анархіи, какъ въ федахъ.

10) “Подъ вліяніемъ над. феодализма” — означало бы, въ настоящей связи изложенія Мартенса, *активную* роль феодализма въ объясняемомъ дѣлѣ. — Но ея не было,

11) и 12) *Уравненіе сословій*, какъ послѣдствіе крестовыхъ походовъ, не замѣчается. Нѣкоторое уравненіе зависимыхъ сословій, около этого времени, было въ пользу почти совершенно безправныхъ рабовъ и подобныхъ имъ, и въ ущербъ высшимъ разрядамъ *зависимыхъ* классовъ. Такимъ образомъ, образуется болѣе однообразное крестьянское сословіе.

Реформы въ Англіи въ XIII в. мало общаго имѣютъ съ крестовыми походами. И вообще, говорить о созданіи внутренняго единства государствъ крестовыми походами — довольно опрометчиво. Вспомнимъ Германію въ эту эпоху. — Нѣкоторое совпаденіе возвішенія королевской власти съ крестовыми походами въ XII и XIII вѣкахъ случайно; оно независимо отъ крестовыхъ походовъ, такъ при Фридрихѣ Рыжбородѣ, Ричардѣ Львиное сердце, Людовикѣ Святомъ. Изъ нихъ наибольшаго внутренняго единства государства достигъ Людовикъ Святой, благодаря, отчасти, своему сильному таланту и высоко-нравственному характеру. — *Крестовые походы* содѣйствовали феодальному институту рыцарства. Они перенесли феодализмъ въ покоренныя на востокѣ области.

Даже болѣе грандіозное и тѣсное единеніе народовъ для перваго крестоваго похода не дало продолжительныхъ результатовъ для значительнаго разрушенія *замкнутости* европейскихъ народовъ, нежели она была раньше. Ихъ знакомство съ востокомъ было неодинаковое для всѣхъ, и столько же ихъ разъединяло какъ и соединяло. *Крестовые походы* поэтому не дали *залога*: для *развитія* мирной международной жизни на Западѣ Европы. Порядокъ въ государствахъ укрѣплялся помимо ихъ. Самый разгаръ кулачнаго права въ Германіи — послѣ участія ея въ трехъ первыхъ крестовыхъ походахъ! И мирная международная жизнь вовсе не обезпечена! — Факты вполне доказываютъ отсутствіе такого *залога* мира, о которомъ говоритъ авторъ.

13) Послѣ *категорическаго* опредѣленія значенія упомянутыхъ подъ п. п. 11 и 12 данныхъ, — квалификаціи: “еще болѣе” и “больше всего”, въ данномъ случаѣ, даютъ логически трудно уловимую компарацію. Изложеніе автора здѣсь, очевидно, грѣшитъ, хотя степени историческаго значенія указанныхъ трехъ фактовъ дѣйствительно можно поставить въ томъ порядкѣ, какъ ихъ приводитъ Мартенсъ.

а) Часто мы встрѣчаемся у автора съ *неопредѣленнымъ* употребленіемъ этой хронологической мѣрки. Средніе вѣка международныхъ отношеній *онъ* доводитъ до 1648 г.

Но какъ бы то ни было, хронологія автора, въ *настоящемъ* случаѣ, просто не вѣрна. Сознаніе о государственности, съ полною силою, зарождается во Франціи и Англіи еще въ самыхъ тѣсныхъ, по времени, предѣлахъ среднихъ вѣковъ.

14) и 15) Авторъ, говоря о значеніи городовъ для международнаго права, *обходитъ* вопросъ о *международно-правовомъ характерѣ* упоминаемыхъ имъ средневѣковыхъ морскихъ торговыхъ обычаевъ. Его слѣдовало опредѣлить, онъ то и важенъ. И наконецъ, какое можетъ быть сравненіе этихъ обычаевъ съ *jus gentium* римлянъ?

16) Это утвержденіе “повсемѣстно” оставляетъ читателя въ сомнѣніи. Авторъ упоминаемаго факта вовсе *не вездѣ* доказалъ, а степень его значенія въ различныхъ мѣстахъ, черезъ нѣсколько строкъ, уже замѣтно разнообразить безъ опредѣленныхъ указаній минимума этого значенія. Кромѣ того, назвавъ этотъ союзъ королей съ городами *самымъ* сильнымъ орудіемъ окончательнаго разрушенія феодализма, онъ доказываетъ, даже для Франціи и Англіи, *еще болѣе сильные* элементы разрушенія феодализма. (См. ниже п. п. 17 и 18).

Въ результатъ, изъ такого изложенія трудно выпутаться, съ яснымъ понятіемъ о сравнительномъ значеніи всѣхъ этихъ различныхъ элементовъ, содѣйствовавшихъ новому порядку, въ совокупномъ цѣломъ ихъ. — Для Германіи, Италіи и Испаніи никакихъ успѣховъ не показано, вытекавшихъ изъ союза королей съ городами, хотя бы и при одновременной зависимости отъ другихъ фактовъ.

17) Разъ авторъ вдается въ такія объясненія, ихъ слѣдуетъ дополнить, хотя бы и въ двухъ словахъ, но достаточно точно. О крестовыхъ походахъ авторъ уже забылъ, и хорошо сдѣлалъ. Но онъ вовсе не упоминаетъ о томъ преобладающе громадномъ значеніи, которое для національнаго единства и укрѣпленія монархической власти во Франціи имѣли рядъ рѣдко сильныхъ и талантливыхъ правителей страны, при неуспѣшно послѣдовательной политикѣ которыхъ дипломатія, съ легистами, часто замѣнила войну съ вассалами, а королевская администрація совершала побѣды надъ властью безчисленныхъ вассаловъ.

18) О возвышеніи *королевской* власти, какъ слѣдовало по предыдущему ожидать, авторъ здѣсь вовсе не говоритъ, а только о magna charta и новомъ складѣ государственной власти. И оно понятно, почему!

19) Ср. примѣч. 16. Какой здѣсь образовался суверенитетъ и былъ ли союзъ княжеской власти съ городами? Объ этихъ вопросахъ даже не упоминается, а они требовали опредѣленнаго разрѣшенія въ изложеніи автора. Они важны для поясненія Вестфальскаго трактата отъ 1648 г., которому авторъ даетъ краеугольное значеніе для начала новой эры.

20) и 21) Эти выраженія “независимо” и “кромѣ того” — очень неудобны въ данномъ случаѣ. — Всѣ эти добавочные элементы новой эры также имѣютъ *тѣсную* (а не разбросанную) связь, отчасти между собою, отчасти съ прочими выше приведенными элементами. Общеизвѣстныя точки ихъ соприкосновенія слѣдовало, въ нѣсколькихъ словахъ, опредѣленно отмѣтить, разъ авторъ взялся говорить объ этомъ предметѣ. То, что онъ сказалъ, едва ли нужно.

О реформаціи и ея громадномъ внутреннемъ политическомъ значеніи на Западѣ, въ теоріи и на практикѣ; о необходимости реформаціи для знакомаго намъ хода новой исторіи и международныхъ отношеній: авторъ вовсе не упоминаетъ. Это обидно для дѣла!

22) Эта характеристика недостаточно опредѣляетъ *особенности* своего предмета; это будетъ видно на свойствахъ слѣдующаго періода.

Изложеніе исторіи международныхъ отношеній втораго періода (1678–1815), стр. 87–124, и третьяго (отъ 1815 по наше время), стр. 125–150, отличается отъ перваго періода нѣкоторымъ отступленіемъ отъ идейной исторіи, какъ ее понимаетъ авторъ, и даетъ, преимущественно, довольно пространную хронологію элементарныхъ фактовъ дипломатіи и войнъ этого времени. Условія, элементы и образъ развитія международнаго права мало указаны. — Результатъ этого очерка для курса международнаго права, поэтому, скромный. Обобщенія мало опредѣленны. Они и не всегда достаточно понятны, вслѣдствіе самопротиворѣчій и неточностей.

Второй періодъ (1646–1815) дѣлится на два отдѣла: до и послѣ 1789 г. — Во весь этотъ періодъ, говоритъ авторъ (27), господство физической силы и изолированность между народами уступаютъ принципу — идеѣ политическаго равновѣсія. (1) Вестфальскій конгрессъ — *невиданный до того времени*

примѣръ общаго собранія почти всѣхъ народовъ, для обсужденія даже внутренняго устройства отдѣльныхъ странъ (2). Этотъ фактъ *доказываетъ* сознание необходимости покончить гибельныя войны и установить какой либо международный порядокъ (3). Для него трактатъ 1648 г. и опредѣлилъ начала, въ лицѣ системы политическаго равновѣсія, въ силу котораго самостоятельность и независимость каждаго народа не должны были подвергаться ни малѣйшей опасности со стороны другихъ народовъ (4). Послѣ 1789 г. эта система значительно блѣднѣетъ передъ новыми идеями. (28) (5).

Въ XVI ст. мирная жизнь (6) побѣдившихъ феодализмъ государствъ была потрясена реформаціоннымъ движеніемъ, охватившимъ весь сѣверъ и западъ Европы. Реформація имѣла огромное международное значеніе, (7) она раздѣлила народы на два враждебные лагеря, борьба между которыми привела къ кровопролитной 30 лѣтней войнѣ, богатой замѣчательными политическими фактами и совершенно измѣнившей европейскую политическую систему; *исключительно* государственныя цѣли начинали опредѣлять направленіе дипломатіи. Кардиналъ Ришелье заключаетъ союзъ съ (протестантомъ) Густафомъ Адольфомъ (8).

Затѣмъ, и переговоры и заключеніе трактата 1648 г. доказываютъ сознание дипломатіей новизны дѣла и необычайности своего положенія (9). Переговоры начинаются еще въ 1634 г. Но миръ былъ возможенъ только съ общаго согласія и на условіяхъ, отвѣчавшихъ дѣйствительному положенію вещей и стремленіямъ воюющихъ. Новый порядокъ будущаго, однако, представлялся неяснымъ, противорѣчилъ прошлому; раньше не было ни одного прецедента общаго обсужденія и обязательнаго рѣшенія государствами дѣлъ для *всѣхъ* народовъ (10). Поэтому было много ребяческихъ сценъ, по вопросамъ этикета, на конгрессѣ и до него. — За *исключениемъ* (!) Россіи, Польши и Англіи: это былъ общеевропейскій конгрессъ! — 355 германскихъ государствъ получили полную *независимость* (р. 90), политическую *автономію* (91); (11) Европа конституирована какъ „одно” *международное общество*, сознающее солидарность своихъ интересовъ; (12) религіозный расколъ западной церкви окончателно признается; воздвигается международное главенство Франціи; Германія дѣлается широкимъ поприщемъ для иностраннаго вмѣшательства. Таковы результаты трактата 1648 г.

Международныя событія послѣ 1648 г. понятны лишь съ точки зрѣнія внутренняго строя государствъ. Короли сдѣлались преемниками прерогативъ феодальныхъ сеньоровъ. Форма новая; содержаніе старое. За дворянствомъ и духовенствомъ остаются привилегіи, безъ тягла. Крестьяне имѣютъ только тягло. Третье сословіе не имѣетъ доступа къ высшимъ должностямъ. Это, вездѣ приблизительно одинаковое, общественное устройство служитъ опорою абсолютной королевской власти, которая, успокоивъ дворянство и духовенство, имѣла свободную волю внутри государства и для династическихъ

интересовъ своихъ. Личные и семейные интересы государей преобладали въ международныхъ отношеніяхъ XVII и XIII вв. надъ всѣми другими задачами государствъ.

Общественныя нужды и стремленія на континентъ *нигдѣ* не удовлетворялись ⁽¹³⁾. Власть произвольно распоряжалась подданными. Равно государи *не признавали никакихъ* правъ за иностранными народами, руководствуясь макиавелизмомъ какъ лозунгомъ, ⁽¹⁴⁾ хотя водворилась мода мотивировать распоряженія и дѣйствія правительства соображеніями пользы и блага народа, права и справедливости, ссылками на Гуго Гроція. Авторъ потомъ перечисляетъ факты грандіозной завоевательной политики Людовика XIV, достаточно показавшей ничтожество европейскаго международнаго общества. Стр. 98–105 посвящены изложенію русской дипломатіи отъ XVI до начала XVIII в., въ отдѣльныхъ отношеніяхъ съ Англіей, Австріей, Ганзой, Бранденбургомъ — Пруссіей, Нидерландами, Франціей, Швеціей; слѣдовательно безъ Польши и Турціи! Стр. 105–109 посвящены политикѣ Фридриха II до 1763 г.; стр. 109–113 первому раздѣлу Польши, турецкой войнѣ, 1768–74, спору о баварскомъ наслѣдствѣ и сѣверо-американской войнѣ за освобожденіе Штатовъ отъ Англіи. Стр. 113–122 даютъ хронику событій въ эпоху войнъ Франціи послѣ 1789 г. до 1814 г. ⁽¹⁵⁾.

Обозрѣвая событія *всего* періода (обоихъ отдѣловъ его), авторъ находитъ въ немъ войны и раздѣлы чужихъ владѣній, какъ исключительный предметъ вниманія политики ⁽¹⁶⁾. Но не смотря на такія безчисленныя хищничества и вѣроломство въ XVII и XVIII ст. европейскіе народы несомнѣнно “*признавали законную силу международнаго права во время мира и войны*”. ^(16^a). Далѣе у Мартенса слѣдуютъ “*нѣкоторыя наиболѣе важныя положительныя юридическія* ⁽¹⁷⁾ *начала*”, выработавшіяся въ эту эпоху.

а) Результатомъ непрерывныхъ соглашеній государствъ въ эту эпоху было *точное* выясненіе *основныхъ* правъ ⁽¹⁸⁾ субъектовъ международнаго права (государствъ и государей) ^(18^a) и правъ посланниковъ (на неприкосновенность и экстерриториальность)¹⁹. б) Декларация морскаго вооруженнаго нейтралитета провозгласила извѣстныя обязательныя начала морской войны. в) Значительно измѣняются къ лучшему — взгляды на взаимныя отношенія воюющихъ на сушѣ: на военно-плѣнныхъ и врачебный персоналъ ^(19^a).

Наконецъ общее начало всей дипломатіи періода, идея политическаго равновѣсія, *доказываетъ настоятельную потребность* у государствъ въ обезпеченіи ихъ національной независимости, интересовъ и правъ, *черезъ международный порядокъ*. Но она служила также оправданіемъ всякой неправды, и не могла служить основаніемъ для установленія международнаго юридическаго порядка ⁽²⁰⁾. Система политическаго равновѣсія основывается на политической идеѣ, которая отличное орудіе для всевозможныхъ захватовъ и неправдъ. Европейскую политическую систему 1648 г. ⁽²¹⁾ разрушила

Франція послѣ 1789, положивъ начало новому порядку, отразившемуся также на международныхъ отношеніяхъ.

Примѣч. 1) Я очень жалѣю, что авторъ не исполнилъ свой долгъ относительно періода реформаціи (или лучше сказать — отъ конца XV в.), дипломатіи и доктрины этого времени. При цѣляхъ, которыя авторъ ставитъ исторіи международного права, отдѣлъ этотъ очень важенъ. — Далѣе надо замѣтить, что противопоставленіе свойствъ перваго періода и втораго у автора совершенно не выдержанно и не ясно. По заявленіямъ самого автора изолированность между народами уже раньше (въ первый періодъ) сглаживается. Но и принципъ политическаго равновѣсія также примѣняется еще на порогѣ отъ XV — къ XVI в., а равно и послѣ 1648 до 1813 г. слишкомъ часто терпитъ фіаско, по несогласію близко заинтересованныхъ государствъ; онъ не въ силахъ надежно обезпечить разумное единеніе и порядокъ международного общества. Эти результаты и несостоятельность новаго принципа авторъ самъ настойчиво и даже преувеличенно утверждаетъ. Значительное господство *грубой* физической силы поэтому остается и теперь, хотя иногда въ коллективной формѣ.

Отличительные критеріи двухъ первыхъ періодовъ поэтому слишкомъ мало отличаются другъ отъ друга; он и вовсе не исключительно свойственны тому или другому изъ нихъ.

2) Авторъ забываетъ упомянуть объ аналогіи конгрессовъ: о соборахъ, касавшихся также внутреннихъ политическихъ вопросовъ. Общій европейскій характеръ Вестфальскаго конгресса, конечно, значительно ограничивается отсутствіемъ на немъ Польши и Англій!

3) Это сознаніе совершенно естественно и всегда наступало въ извѣстный моментъ; оно было столь же понятно со стороны многочисленныхъ участниковъ войны. Заботливости объ *общемъ* международномъ порядкѣ на конгрессѣ слишкомъ мало видно, и почти исключительна заботливость каждаго объ обеспеченіи своихъ интересовъ.

4) *Этотъ то порядокъ и не осуществился.* Это ясно.

5) Успѣхи ея въ это время также хороши и неудачны, какъ и раньше. Перемяна мало замѣтная. Тоже самое можно сказать и про самый Вѣнскій конгрессъ.

6) Эта *мирная* жизнь была не по обычаю времени. Факты достаточно извѣстны.

7) Авторъ упускаетъ изъ виду ту самую важную — духовную — сторону въ значеніи реформаціи, которая за ней обезпечивала огромное и прочное политическое значеніе, въ томъ числѣ, конечно, и международное, даже при иной комбинаціи событій, нежели при той, которая *имѣла* мѣсто.

7^a) По дальнѣйшимъ разъясненіямъ автора, здѣсь “государственныя цѣли” — выраженіе не вѣрное; слѣдуетъ его замѣнить другимъ, напр., “динас-

тичeskія”. — По существу дѣла точная истина, вполнѣ, не совпадаетъ, ни съ тѣмъ, ни съ другимъ изъ этихъ выраженій.

8) Это вовсе не поразительная новость. Франція еще болѣе ста лѣтъ раньше трактовала о союзѣ съ Турціей!

9) Фактъ этого конгресса и трактата несомнѣнно имѣетъ и свои новыя стороны; но, тѣмъ не менѣе, *не все* въ немъ ново: этихъ различій и этого т. ск. удѣльнаго вѣса, приходящагося на долю чистаго дохода даннаго событія, авторъ даже не замѣтилъ.

10) Всетаки участіе на конгрессѣ ограничивалось только одною половиною Европы; участіе отдѣльныхъ государствъ на немъ было свободное; а равно и соглашеніе, состоявшееся между ними, было обязательно, поскольку оно того или другаго касалось. Но такой характеръ имѣли мирныя конгрессы и до этого времени. Нѣкоторыя новыя стороны представляетъ *вопросъ о гарантіи* въ трактатѣ 1648 г.; и его характеръ здѣсь, правда, довольно сложный. Но авторъ вовсе не касается его.

11) Необходимой *опредѣленной* точной характеристики (хотя бы самой лаконической) дѣйствительнаго порядка вещей читатель здѣсь не находитъ. О “полной независимости” — говоритъ невѣрно.

12) Это категорическое заключеніе — крайне сомнительно. *Такого* общества не было. Авторъ, вполнѣ, самъ утверждаетъ это, но опять преувеличенно. Замѣтимъ еще, что по теоріи *автора*, такого общества даже быть не могло, ввиду утверждаемаго имъ внутренняго режима въ отдѣльныхъ государствахъ.

Однако, въ трактуемую эпоху совершается постоянно усиливающееся дипломатическое сближеніе кабинетовъ; на этомъ и слѣдовало остановиться, изучая теорію его. Это не сдѣлано.

И такъ, объясненіе международнаго правоваго и политическаго значенія трактата 1648 и предшествовавшаго ему конгресса — въ очеркѣ Мартенса не полно, не ясно и не вполнѣ точно.

13) Факты, опровергающіе такое безусловное заключеніе, хорошо извѣстны. — Читатель помнитъ расположеніе проф. Мартенса къ подобной крутизнѣ обобщеній *частныхъ* фактовъ. Поэтому въ детальное опроверженіе тезиса автора не вступлю.

Сильная роль макиавеллизма въ эту эпоху не подлежитъ сомнѣнію, но опять же и она имѣетъ извѣстныя границы, которыя авторъ игнорируетъ, вслѣдствіе чего, въ его изложеніи, и остается непонятнымъ, какъ въ такую эпоху самой безсовѣстной дипломатіи могло быть несомнѣнное признаніе силы международнаго права, точное выясненіе основныхъ правъ государствъ, когда государя не признавали никакихъ правъ за иностранными народами. Авторъ утверждаетъ (прим. 17, 18) и то и другое.

Авторъ видитъ въ завоеваніяхъ втораго періода *только* личные и династическіе интересы. Но и это, по меньшей мѣрѣ, преувеличенно. Въ нихъ также есть глубокій политическій смыслъ (Прим. 16).

15) На стр. 122 сказано: занятія Вѣнскаго конгресса (съ его многосложными занятіями) уже приближались къ концу, когда Наполеонъ бѣжалъ съ острова Эльба и т. д. На стр. 129 значится, что этотъ конецъ вовсе не долженъ былъ быть концомъ (какъ, очевидно, слѣдуетъ подразумѣвать — *благополучнымъ*), потому что предстоялъ разрывъ между союзниками, вслѣдствіе требованій Россіи и Пруссіи, противъ которыхъ Австрія, Англія и Франція заключили 3 янв. 1815 наступательный союзъ. Стало быть, миръ и согласіе Европы спасъ на этотъ разъ врагъ ея мира?

16) Объ историческомъ значеніи этихъ событій для новой Европы авторъ не упоминаетъ; отъ исторіи условій международнаго права мы были въ правѣ ожидать такого объясненія.

16а. Но возможность и даже дѣйствительность, а также характеръ и связь этого дуализма не объяснены, и “*уѣлое*” въ исторіи автора остается сбивчивымъ, непонятнымъ. Утверждаемое имъ образованіе законной силы международнаго права во время мира и войны, во второй періодъ, “отличающійся этимъ отъ перваго”, который пресѣкается на 1648 г. — не показано.

Различіе въ изложеніи перваго и втораго періода исторіи международныхъ отношеній у автора — надо видѣть въ томъ, что при преобладающемъ значеніи права грубой силы въ оба періода (что слѣдуетъ изъ разсказа Мартенса): *порядокъ, правила и обычаи* въ этихъ отношеніяхъ, *бывшіе въ первый періодъ* (здѣсь, правда, авторъ иногда скрываетъ ихъ), называются исключеніями, недостаточными для того, чтобы составить международное право; бывшія же во второй періодъ, и выясненные авторомъ *не въ большемъ размѣрѣ*, какъ относительно перваго періода: называются положительными юридическими началами, съ признанною законною силою международнаго права, хотя и *въ общемъ* опять оспариваются (Прим. 14).

Так. обр., научно, приведенныя объясненія и различенія автора о первыхъ двухъ періодахъ исторіи межд. права — не убѣдительны. Здѣсь различіе есть, но оно значительно иначе, и въ основаніяхъ и въ деталяхъ.

17) “Наиболѣе важныя” имѣются въ гораздо большемъ количествѣ. Перечень автора даетъ довольно минимальное представленіе о дѣйствительности утверждаемаго авторомъ кореннаго измѣненія замѣчательнаго принципа. — Утвержденіе объ образованіи краеугольныхъ основаній международнаго права въ эту эпоху остается голословнымъ. Нѣкоторыя заслуги этой эпохи не точно опредѣлены. — Въ число разсматриваемыхъ положительныхъ *юридическихъ* началъ авторъ также принимаетъ принципъ политическаго равновѣсія, за которымъ онъ потомъ опять *отрицаетъ* возможность служить основаніемъ для установленія международнаго юридическаго порядка.

18) Авторъ потомъ уже ничего не говоритъ, ни о степени и достаточности упоминаемой *точности*, ни о порядкѣ ея двухсотлѣтняго развитія. Онъ также не даетъ никакой характеристики этихъ непрерывныхъ *соглашеній*,

ихъ содержания, значенія и степени ихъ дѣйствительности. Здѣсь авторъ могъ обнаружить всю свою научную силу, какъ историкъ и догматикъ-юристъ. Но мы тщетно ищемъ подобной попытки у автора, задача котораго, поэтому, остается неразрѣшенной.

Выше было указано, что въ древне-греческихъ международныхъ отношеніяхъ авторъ вовсе забылъ отмѣтить основныя права государствъ.

18а. Мартенсъ признаетъ здѣсь государей субъектами международного права; въ системѣ онъ *противъ* такой теоріи.

19) “Убіеніе посланниковъ въ 1799 г. укрѣпило сознание въ *неприкосновенности* дипломатическихъ агентовъ” стр. 123, прим. 1.

Но фактъ, что она, и до, и послѣ этого эпизода, считалась одинаково признанною.

19а. Было, и кромѣ ихъ, уже не мало другихъ столь же значительныхъ обычаевъ, установившихся какъ право во время мира и войны. — Правила 1780 имѣютъ продолжительную подготовительную исторію. — Я не требую отъ автора полной догматики международного права XVIII вѣка. Указывая же на недостатки его историческаго обзрѣнія исторіи международного права во второй періодъ, я подразумѣваю отсутствіе въ ней даже бѣлаго опредѣленнаго указанія *послѣдовательнаго* развитія юридическаго порядка между народами.

20) Положеніе читателя, желающаго точно и опредѣленно понять объясненія Мартенса о значеніи и заслугахъ политическаго равновѣсія, безвыходное. Читатель остается въ полномъ недоумѣніи.

Правда, вопросъ о *юридическомъ* значеніи принципа полит. равновѣсія (т. е. для правообразованія), въ литературѣ, мало выясненъ. Историки изучали только отдѣльныя явленія этого принципа, а юристы-догматики мало понимали эту исторію, съ ея причинами и результатами. Нѣтъ сомнѣнія, что вопросъ о политическомъ равновѣсіи одинъ изъ самыхъ трудныхъ, а тѣмъ болѣе серьезно должны его изучать юристы. Полит. равновѣсіе явленіе гибкое, но постоянное въ новую исторію; оно есть непреложная необходимость новой международной жизни и еще не сходитъ со сцѣны ея, хотя и измѣняетъ формы свои. Требуется опредѣлить дѣйствіе этого начала при *различныхъ* условіяхъ международной жизни, и постоянную суть его, съ возможною точностью.

21) Если авторъ, въ данномъ случаѣ, подразумѣваетъ старыи династическій режимъ, то, сколько извѣстно, его установилъ не трактатъ 1648 г., а онъ гораздо старѣе. Трактатъ же 1648 г. признаетъ также республики. Ему дѣла нѣтъ до формъ государственнаго устройства народовъ. — Далѣе, принципъ политическаго равновѣсія до настоящаго дня не выходитъ изъ употребленія. А *форма* его, установленная въ 1648 г., подвергалась постояннымъ измѣненіямъ. И въ дѣйствительности, къ 1789 г. характеръ политической системы въ Европѣ *совершенно* измѣнился.

Эпоха 1789—1815 гг. покоилась вполне на началахъ прежняго образа международныхъ отношеній. Все хорошее и дурное въ ней находили себѣ предшественниковъ въ событіяхъ, бывшихъ раньше въ этотъ второй періодъ: ходъ и совокупность событій извѣстны въ такомъ видѣ; Мартенсъ иного порядка вещей въ этомъ дѣлѣ не показываетъ.

Періодъ третій. Отъ Вѣнскаго конгресса до настоящаго времени.

Въ началѣ авторъ останавливается на характерѣ и значеніи Вѣнскаго конгресса. Онъ указываетъ здѣсь на правила русской политики, выраженные въ инструкціи отъ 13 мая 1815 г.: согласно которой слѣдуетъ изучать и сообразоваться съ нравственнымъ положеніемъ различныхъ народовъ: при опредѣленіи территориальнаго состава, внутреннихъ порядковъ и внутреннихъ отношеній государствъ, составляющихъ общую семью. Удовлетворенные народныя интересы только и могутъ служить гарантіей прочности рѣшеній конгресса. — Актъ священнаго союза отъ 14 сент. 1815 г. называется вдохновеннымъ: религіозно-мистическимъ направленіемъ; съ нимъ, авторъ говоритъ, *не мирились* соблюденіе законныхъ интересовъ народовъ и введеніе конституціонной формы правленія.

Но такого противорѣчія я не нахожу между этими обоими извѣстными актами: *соблюденіе правды и мира* (въ актѣ свящ. союза) не мѣшало удовлетворенію всѣхъ интересовъ народовъ! Но въ исполненіи священнаго союза, и уже по новымъ причинамъ, оказалось это противорѣчіе.

Такъ и слѣдовало говорить.

Бытовой характеристики Вѣнскаго конгресса авторъ вовсе не касается.

Изъ изложенія третьяго періода въ книгѣ Мартенса, я коснусь только тѣхъ немногихъ обобщеній, которыя о немъ дѣлаетъ авторъ. Въ хронологіи фактовъ, приводимой авторомъ, я только замѣчу объ отсутствіи въ ней восточнаго вопроса въ 30 и 40-ыхъ годахъ и присоединенія Кракова въ 1846 г. къ Австріи.

“*Общій*⁽¹⁾ *характеръ* международныхъ отношеній послѣ 1815 г. отражаетъ на себѣ то настроеніе, которое овладѣло европейскими народами со времени освобожденія ихъ отъ французскаго ига. Возбужденные обѣщаніями и надеждами, которыя открыли правительства, народы оказались обманутыми впоследствии—послѣднее скоро обнаружилось, и начинается повсемѣстная общественная оппозиція противъ такого исхода событій, вызвавшая опять регрессивныя мѣры. — Надо полагать, что авторъ эту характеристику ограничиваетъ временемъ отъ 1815 до 1856 г.

Кромѣ такого *общаго характера* европейской дипломатіи, авторъ отмѣчаетъ *соціальные международныя отношенія*, зависящія отъ цѣлей и задачъ общественныхъ классовъ внутри государства, направленныхъ къ свободѣ совѣсти и вѣроисповѣданія, къ международному обмѣну продуктовъ духовнаго труда, къ космополитическому характеру экономической дѣятельности народовъ⁽²⁾, наконецъ къ національному единенію разбросанныхъ частицъ одного племеннаго цѣлага⁽³⁾.

Религія нынѣ не преграда между народами, напротивъ требованіе полной вѣротерпимости даже заставляетъ образованные народы идти на помощь народу, гоняемому за свою вѣру (примѣръ — Греція, 1823—29 гг.).

Всѣ изложенные *общественные* интересы стремятся къ юридическому опредѣленію, а общественные элементы опредѣляютъ волю государства и его международную дѣятельность (стр. 132—3).

Международныя отношенія въ 3-ьемъ періодѣ все болѣе принимаютъ правовой характеръ ⁽⁴⁾. Развиваются и утверждаются начала современного международного права. Правительство и народы все болѣе убѣждаются въ необходимости для нихъ широкихъ, взаимныхъ сношеній и помощи, частныхъ и общихъ *договоровъ* по различнымъ вопросамъ, устанавливающихъ положительныя юридическія начала, правила и законы. Рѣшенія конгрессовъ и конференцій получаютъ силу закона.

Руководящее начало 3-го періода — принципъ національности, провозглашаемое, какъ панацея мирнаго развитія каждаго народа и союза народовъ. Авторъ предпочитаетъ опредѣленіе понятія національности у Манчини. Признавая относительную правду въ теоріи націоналистовъ, по общимъ и историческимъ причинамъ, Мартенсъ одобряетъ одноплеменное государство только при томъ условіи, если строй и культура его обеспечиваютъ полное уваженіе къ цивилизованнымъ идеаламъ.

Авторъ признаетъ значеніе національныхъ связей въ международныхъ отношеніяхъ, требуетъ уваженія къ различнымъ національнымъ элементамъ въ государствахъ, но не вѣрится во всеобщее-спасительную панацею принципа національности “Если онъ лишенъ исторической почвы, онъ ничего прочнаго не создаетъ, а разрушить онъ въ состояніи очень многое”. Примѣръ Италіи не дѣлаетъ его вездѣ приложимымъ и справедливымъ ⁽⁵⁾. — Международныя силы общности племеннаго происхожденія всегда пропорціональны силѣ солидарности общихъ культурныхъ стремленій (стр. 146—50).

Примѣч. 1) Общая характеристика третьяго періода также страдаетъ недостаткомъ въ дѣльности. Она и не полна; на роль принципа политическаго равновѣсія не обращено никакого вниманія. Между тѣмъ какъ онъ объясняетъ много фактовъ третьяго періода.

“*Общій*” характеръ междунар. отношеній даже одной первой половины третьяго періода, авторъ опредѣлилъ односторонне; рядомъ съ *реакціей* развиваются *повсемѣстно* болѣе сильныя и настойчивыя интересы, а *общій характеръ* ограничивается только половиною Европы. — Усиленіе *правоваго* характера международной жизни есть также *общій характеръ* третьяго періода; а равно національное движеніе и его новый принципъ.

У автора эти отдѣльныя стороны характера эпохи безсвязно разбросаны.

2) Здѣсь необходимо было сдѣлать общее обозрѣніе такого усиленнаго движенія, и сравненіе его съ XVII в. Это не выходило бы изъ рамокъ вводной исторіи.

3) Этот вопрос уже не из области *социальных* международных отношений. И Мартенс дает ему впоследствии самостоятельное отдельное значение.

4) Этот процесс следовало больше в глубину проследить, так как он спорный. На слово нам не повѣрять.

5) Эта критика может считаться общепринятою в среде ненационалистов или условных националистов. Она полнее и лучше всего выражена у Блончли. С ней автор близко сходится. Впрочем, Блончли не цитируется, а другие.

Оканчивая разбор истории международных отношений и права в курсе Мартенса, спрашиваем, в общем, насколько автор исполнил свои требования, которые он предъявил к такой истории, в начале своего очерка?

I. Автор требовал *историю идей*. В изложении автора, в первом периоде почти исключительно преобладают самые широкие обобщения, но недостаточно внимательно относящиеся к фактам. Во втором и третьем периодах *значительно* преобладает рассказ событий; обобщения довольно лаконически набросаны, и между собою недостаточно согласованы. — *Идеи* различных периодов недостаточно рельефно и убедительно отгнаны друг от друга. Переходы их и связь между ними остаются мало понятными. Главная мысль (ср. III) в *истории* автора не доводится до конца, с равным значением. Автор разбѣк исторический материал на части, *но не обнаружил "историю" международного права, какъ одно цѣлое, съ развивающимися другъ изъ друга эпохами*. Не находя в прежние времена законченного международного права, автор, относясь к ним с догматической точки зрения, принимает элементы органического развития прежних эпох, за какие то осколки, — какъ бы с мѣста обвинительной власти осуждая их недостаточность. Такой тонъ дѣлает *историю* излишнею!

II. Проф. Мартенс требует указания на связь развития международной жизни с внутренними порядками, считая послѣдние известными. Но при известном из предыдущаго, способѣ автора в объяснения смысла *различных* формъ меождународной жизни в первый период (автор не различает их), трудно понять *такую* связь, с достаточною отчетливостью, из изложения автора. — Но, успѣшно или неуспѣшно, в первом периоде Мартенс настойчиво говорит объ этой связи. Во втором и третьем периодах онъ останавливается на ней *гораздо* меньше. — Утверждая ее во вторую эпоху развития международного права, онъ показывает условия этого развития и *различия* его, сравнительно с прошлым, по меньшей мѣрѣ, слишком недостаточно в научномъ смыслѣ, неполно и несвязно.

III. "Прогрессивное развитие есть законъ международных отношений. Непосредственное выражение этого закона есть начало уважения человеческой

личности, которое проходит через всю историческую жизнь народов”. Но Мартенсъ не поясняет содержания этого начала, безъ чего автора трудно понять. Но онъ и не показываетъ *постепеннаго* развитія этого начала связно и послѣдовательно, какъ историкъ, а становится, въ отдѣльные періоды и ихъ подраздѣленія, на догматическую точку зрѣнія, и отрицаетъ или утверждаетъ это начало, игнорируя *развитіе* его. Такая метода уноситъ *исторію* автора на ложную почву и *прямая задача* автора остается неразрѣшенной. Кромѣ того, въ изложеніи втораго и третьяго періодовъ, вопросъ объ уваженіи челоуѣческой личности, видимо, отступаетъ на задній планъ.

Сожалѣемъ, конечно, о томъ, что проф. Мартенсу “*исторія* международнаго права” не удалась.

Объ исполненіи деталей въ изложеніи исторіи международныхъ сношеній и права, въ книгѣ Мартенса, мнѣ приходилось выше часто говорить.

Послѣ исторіи международныхъ отношеній и права, авторъ, отдѣльно, излагаетъ развитіе *науки международного права*. Мартенсъ принимаетъ три *періода* этого развитія и предпосылаетъ имъ оригинальное введеніе. Мы сначала остановимся на немъ, а потомъ разсмотримъ достоинства отдѣльныхъ частей очерка автора (стр. 151–175).

“*Наука* международного права и ея развитіе тѣсно связаны съ международной *жизнью*”. Связь эта объясняется ихъ взаимнымъ вліяніемъ. Но исторію права слѣдуетъ (?) излагать отдѣльно отъ исторіи науки его. Помня (!) зависимость теоріи отъ практическаго права, *отдѣльная* исторія науки *лучше* покажетъ путь *органическаго* (?) развитія науки. Исторія права *канва* для исторіи теоріи его (1). Съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ различать три существенно различныхъ *періода исторіи* науки международного права (2).

Первый, зародышный, періодъ отыскиваетъ начальныя основанія для своихъ положеній въ абстрактной природѣ, существѣ государства. Международное право было *естественнымъ правомъ*.

Второй періодъ признаетъ только *позитивное право*, безъ всякой критики его.

Третій періодъ стоитъ на почвѣ позитивнаго права, но съ “самостоятельной оцѣнкой его, съ научной группировкой и критикой, съ точки зрѣнія общихъ принциповъ”, онъ “*соединяетъ* начала естественнаго права съ началами положительнаго права”. Лучшіе современные представители науки стоятъ на этой точкѣ зрѣнія.

Эти три періода теоріи “вполнѣ соответствуютъ” тремъ періодамъ международныхъ отношеній (3).

Первый періодъ практики представляетъ господство физической силы; но оно смягчалось уже тогда. Подобно сему и теорія перваго періода приходитъ логически къ началу силы, какъ — основанію междугосударственныхъ отношеній, но настаивала на ограниченіи абсолютныхъ правъ.

Второй периодъ практики зиждется на равновѣсїи государствъ, неизмѣн-
номъ status quo. — Позитивная теорїя признаетъ *только* факты, безо всякой
критики, которая могла бы поколебать начала, освященныя исторїею (4).

Практика третьяго периода опредѣляется началами *легитимитета* и иде-
ей національности, т. е. признанїемъ совершившихся фактовъ и уваженїемъ
къ естественнымъ народностямъ (5). — Новѣйшая теорїя, въ pendant къ этому,
старается выяснитъ положительныя юридическія начала для международно-
правовой жизни, не только на основанїи исторїи, реальныхъ условїи, но так-
же научной истины и образованнаго правосознанїя.

Попытка автора оригинальна. Стремленїе глубже понять ходъ развитїя
науки, въ связи съ жизнью, разумѣется, заслуживаетъ вниманїя. Но достига-
етъ ли авторъ, со своей параллелью, разумной цѣли? Достаточно ли мотиви-
рованъ прїемъ и результатъ его попытки?

Мнѣ она кажется неясною, неточною и непослѣдовательною. Поэтому я не
могу пройти ее молчанїемъ или только отозваться голословнымъ сужденїемъ
объ ней.

(Ср. выше приведенные ссылки на нижеслѣдующїя выноски).

1) Здѣсь, въ объясненїяхъ Мартенса, все говоритъ въ пользу *совмѣст-
ной исторїи международного права и его науки*. Это — очевидно, безъ
подробныхъ комментарїи. Если связь между ними такая тѣсная, то, конечно,
необходимо изучать оба предмета совмѣстно, такъ какъ только при такомъ
порядкѣ изложенїя *органическое* развитїе ихъ будетъ яснѣе. — Странно бы
было *канву* поставить на одни пяльцы, а вишивать по ней въ другомъ мѣстѣ.
Резоны въ пользу метода автора очень неубѣдительны. Есть въ ея пользу
только одинъ доводъ: она легче, и, безъ научныхъ доводовъ, поддерживается
нѣкоторыми авторитетами нашей науки. А также и способъ: какъ до сихъ
поръ практиковалась метода совмѣстнаго изложенїя исторїи права и науки,
не отличался высокими достоинствами. Могу возразить автору еще и то, что
зависимость науки отъ исторїи международного права онъ, впоследствии,
мало помнитъ. Его критика чисто догматическая.

2) Периоды исторїи науки международного права авторъ называетъ слѣду-
ющимъ образомъ: А) Периодъ *господства* естественнаго права. В) Периодъ
преобладанїя (?) положительнаго направленїя. С) Периодъ *соединенїя* фило-
софскихъ началъ съ элементами положительнаго международного права.

Первый периодъ продолжается отъ 1625 г. (появленїя книги Г. Гроція) до
1718 г. (появленїя книги Ваттеля); второй периодъ: отъ 1650 г. (Зѣчи) до (Мозе-
ра) 1780 г.; третїи: отъ 1786 г. до настоящаго времени.

Эти *периоды* автора непонятны во многихъ отношенїяхъ. Уже и не говорю
о ихъ *названїяхъ*, лишаящихъ ихъ систематизацію общей цѣльной мысли.

Периоды въ исторїи обозначаютъ опредѣленные отдѣлы времени, и въ
этомъ хронологическомъ смыслѣ они исключительны. Два разныхъ периода,

одновременно, по одному и тому же дѣлу, быть не могутъ. — Тѣже отдѣлы, которые авторъ устанавливаетъ для различенія различныхъ школъ науки международного права, не историческіе періоды, а — направленія, школы. — Если (?) же періоды автора понимать въ этомъ, иносказательномъ, смыслѣ, то и съ этой точки зрѣнія они непослѣдовательно размѣщаютъ писателей по принятымъ группамъ. Примѣры этому мы скоро увидимъ ниже.

3) Сообразивъ всю совокупность объясненій автора, читателю не легко понять *смысль* такой тѣсной связи въ параллельномъ развитіи науки и права и этого полного *соотвѣтствія* ихъ историческихъ періодовъ. — Выше мы даже могли предположить ошибку въ употребленіи слова “періодъ”; здѣсь же категорически утверждается, что названныя *связь* и *соотвѣтствіе* были — какъ хронологическія совпаденія; аргументація автора не желаетъ ограничиться простымъ параллелизмомъ принципа, а указываетъ на, будто-бы, дѣйствительную бывшую связь жизни съ теоріей.

Теорія естественнаго права (говорится правда нѣсколько позднѣе, стр. 157) противопоставила матеріалистическимъ интересамъ требованія нравственной природы и справедливости. Чѣмъ произвольнѣе царило насиліе, тѣмъ настойчивѣе выступали эти требованія. Къ этой школѣ причисляются Гуго Гроціи, Вольфъ и Ваттель. Они главные дѣятели изъ этой группы, установленной авторомъ. Но они вовсе не опираются на однѣ абстракціи и право сильного; требуемая ими смягченія имѣютъ органическую связь съ цѣлымъ. — Вотъ это то направленіе *должно*, по заявленію Мартенса, *вполнѣ*, соотвѣтствовать первому періоду практики: эпохѣ полнѣйшей разобщенности и господства грубой силы между народами! Ср. *jus gentium voluntarium* Вольфа!

Замѣчательно странно совпадаютъ эти эпохи: первая эпоха практики — до 1648 г.: эпоха науки отъ 1625 до 1758 г. Несомнѣнно, однако, что все естественное право есть протестъ противъ среднихъ вѣковъ. Оно продуктъ эпохи реформаціи и возрожденій наукъ и искусствъ, воспринявшаго *гуманныя* стороны античной культуры. *Это новая эпоха.*

4) У автора первый и второй періоды теоріи, по времени, *совпадаютъ*. Практика второго періода также совпадаетъ, по времени, съ теорією второго періода. Но посмотримъ, то ли совпаденіе между теоріей и практикой второго періода, которое указываетъ Мартенсъ?

Система политическаго равновѣсія соотвѣтствуетъ *исключительно-позитивной* школѣ международного права или (!) періоду *преобладанія* (?) положительнаго направленія.

Но извѣстно ли проф. Мартенсу, что система политическаго равновѣсія не дала тѣхъ непоколебимыхъ порядковъ вѣчнаго *status quo*, на которые могла бы, прочно и надежно, опереться исключительно-позитивная школа, которая какъ извѣстно, даже крайне малочислена, непосредственнаго успѣха почти не имѣла; а, главное, системою политическаго равновѣсія она ни обусловлена,

ни вызвана. Она идетъ рядомъ съ чисто философскимъ и философско-историческимъ направлениемъ, и строго говоря, даже не была направлениемъ преобладающимъ; ея конкуренты были гораздо сильнѣе. И во всякомъ случаѣ никакъ нельзя поставить ея господство въ параллель съ господствомъ системы политическаго равновѣсія. — Наконецъ, кромѣ политическаго равновѣсія, развиваются и утверждаются, во второй періодъ, начала международнаго права для времени мира и войны, стоятъ на очереди спорные юридическіе вопросы между государствами, критической оцѣнкѣ которыхъ со стороны позитивистовъ — не могло мѣшать какое бы то ни было вліяніе системы политическаго равновѣсія на писателей.

5) Здѣсь, значить, начало политическаго равновѣсія, соответствующее чистому позитивизму теоріи, *передаетъ* (!) свое вліяніе на науку другому началу практики: принципу легитимитета. Это — метаморфоза! А еще болѣе интересно *дружное* вліяніе двухъ исключających другъ друга началъ легитимитета и націоналізма на гармоническое сліяніе различныхъ научныхъ методовъ. — На самомъ же дѣлѣ, начало легитимитета никакого вліянія не имѣло на литературу международнаго права; никакого соответствія и связи здѣсь между жизнью и теоріей нѣтъ, въ указанномъ смыслѣ. Видно это изъ того, напр., что о началѣ легитимитета рѣчи не было, когда Гиптеръ и Г. Мартенсъ стали на почву болѣе совершенной историко-философской методы и положили начало школы третьяго періода. Равно и философскій элементъ въ этомъ направленіи вовсе не возникаетъ въ силу теоріи націоналітета; послѣдняя — и новѣе, и не исчерпываетъ даже только десятой части новой литературы.

Изложеніе отдѣльныхъ періодовъ исторіи науки будетъ имѣть ввиду общія черты ученія и системы главнѣйшихъ представителей каждаго изъ трехъ направленій и критическую оцѣнку ихъ. Такъ, авторъ опредѣляетъ свой планъ.

Къ первому періоду — господства естественнаго права, отнесены:

Гуго Гроцій, Пуфендорфъ, Гоббесъ, Томазіи, Вольфъ, и Ваттелъ; ко второму періоду: Зѣчь, Рахель, Маблі, Мозеръ и Бинкерсгукъ; къ третьему: всѣ слѣдующіе писатели, начиная отъ Мартенса.

Эта группировка автора не систематична. И обыкновенный читатель убѣдится въ этомъ недостаткѣ, прочитавши подробности у автора. Ознакомившись съ Гуго Гроціемъ, Вольфомъ и Ваттеломъ, читатель убѣждается въ сродности ихъ направленія, въ признаніи у нихъ положительнаго международнаго права, рядомъ съ естественнымъ, но не узнаетъ о *господствѣ* у нихъ естественнаго права (какъ его характеризуетъ Мартенсъ). — Во второмъ періодѣ помѣщенъ Бинкерсгукъ, котораго авторъ квалифицируетъ несомнѣннымъ предтечею новаго *чисто* научнаго направленія (т. е. третьяго періода). Значить, ему мѣсто не въ ряду исключительныхъ позитивистовъ. Впрочемъ, Бинкерсгукъ вообще характеризуется не достаточно *вѣрно*.

Авторитетъ науки могъ быть возвышенъ не иначе, какъ *примирительнымъ соединеніемъ*, правильнымъ соотношеніемъ *данныхъ опыта и философскаго умозрѣнія*. Таково направленіе третьяго періода; оно *соединяетъ* начала *естественнаго* и положительнаго права.

Изъ этихъ словъ автора явно слѣдуетъ, что правильное соотношеніе опыта и философіи выполняется всѣми писателями продолжающагося нынѣ третьяго періода. Но это не правда. И проф. Мартенсъ, кажется, *ни одного* писателя этого періода, съ этой стороны, вполне не одобряетъ. И дѣйствительно, “настоящее направленіе — историко-философское” имѣетъ чрезвычайно различные оттѣнки, которые подвести подъ общую группу, отличную отъ Гроція, Вольфа и Ваттела, *совершенно неудобно*. Уже читатель книги Мартенса въ этомъ легко убѣдится. — Особенно странна та близкая связь, въ которую поставлены, элегантнѣй въ изложеніи и строгіи въ методѣ и системѣ, Г. Ф. Мартенсъ — и безпорядочные во всѣхъ этихъ отношеніяхъ англо-американскіе писатели.

Въ особомъ (38) параграфѣ сведены нѣмецкіе, итальянскіе, французскіе и русскіе писатели. Здѣсь авторъ, почему то, скоро и безъ оглядки, стремился къ концу. Нѣмецкимъ “*разрабатывателямъ*” международнаго права приписывается значительная заслуга. “Въ *противоположность* англо-американскимъ юристамъ они стремились придать философскій характеръ изученію положительнаго международнаго права”. *Одни* занялись философіей международнаго права. *Другіе* философской разработкой его, для “органически цѣльной” системы. — Но едва ли эти два направленія будутъ ясны для читателя въ такой формѣ.

Также можетъ читателя привести въ недоумѣніе слѣдующій порядокъ изложенія Мартенса, т. I, стр. 171. На стр. 169—71 характеризовались англо-американскіе писатели; первый изъ нихъ, по времени, Уитонъ, въ 1836 г. издавшій свою систему. Послѣ этой школы слѣдуетъ сейчасъ описанный параграфъ 38.

Но правда въ томъ, что нѣмецкая школа возникла вовсе не въ *противоположность* англо-американскимъ писателямъ. А въ § 38 говорится, что нѣмецкая школа шла въ *противоположность* англо-американской. Но это и по существу неверно, и по времени не совпадаетъ: *противоположность*, нѣмецкая школа, десятками лѣтъ старше возникновенія англо-американскаго направленія. — *Характеристика отдѣльныхъ авторовъ*, главнѣйшихъ представителей отдѣльныхъ періодовъ, у проф. Мартенса очень неравномерна. Критика его, нельзя сказать, чтобы была глубокая; она крайне случайная, *неравная* для всѣхъ, и преимущественно, догматическая, какъ гов., “*von unserem Standpunkt*”, а не съ точки зрѣнія уровня международнаго права данной исторической эпохи. — Напр., авторъ упрекаетъ (больше нежели справедливо, долженъ я прибавить) Гуго Гроція въ недостаткѣ раскрытія положительныхъ элементовъ международнаго права, когда наличность таковыхъ, въ 1625 г., проф. Мартенсомъ почти

отрицается. *Другой* случай: авторъ упрекаетъ Вольфа въ “схоластическомъ” раздѣленіи права, “безполезномъ теоретически для обоснованія международнаго права”. Вольфъ дѣлитъ его на естественное, j. g. voluntarium, договорное и обычное. Проф. Мартенсъ порицаетъ это дѣленіе какъ схоластическое, *совершенно ненужное* и неясное. Осужденіе этого дѣленія безусловное. А между тѣмъ и “теоретическое обоснованіе международнаго права” составляется изъ этихъ четырехъ, Вольфомъ указанныхъ, элементовъ. Нынѣ едва ли найдется мало мальски порядочная система нашей науки, гдѣ бы, въ общей массѣ изложенія, нельзя было различать этихъ *четырехъ* элементовъ, хотя они обыкновенно смѣшаны въ разсказѣ и не примѣнены равномерно. Преимущество нашего времени, сравнительно съ эпохою Вольфа, конечно, въ томъ, что *элементъ естественнаго права* можетъ быть значительно совершенствуемъ при помощи приѣмовъ методы положительной философіи. — Мартенсъ неправильно упрекаетъ Вольфа въ совершенно неясномъ, будто-бы, различеніи jus gentium voluntarium и j. g. consuetudinarium (р. 160). Оно между тѣмъ совершенно ясно: первое, j. g. vol., есть общее для всѣхъ цивилизованныхъ государствъ обычное международное право, а второе — j. g. const., есть особенное обычное международное право между нѣкоторыми отдѣльными государствами.

Наконецъ Мартенсъ забылъ сказать о томъ, какъ система Вольфа исполнена послѣ указаннаго дѣленія. Глухо говорится, что Вольфъ стремился къ органическому изложенію. Оно на дѣлѣ такъ и есть. И во всякомъ случаѣ, система Вольфа замѣчательная, глубокомысленная и остроумная. Она достигаетъ единства названныхъ четырехъ элементовъ международнаго права, *насколько это позволяли извѣстные тогда матеріалы*. А эту мѣрку мы должны имѣть въ виду.

Civitas maxima Вольфа Мартенсъ толкуетъ на тридиціонный ладъ.

Странную вещь утверждаетъ Мартенсъ на стр. 164: пока трактаты и переговоры не были всеобще извѣстны (обнародованы) — *положительное международное право* не имѣло реальной почвы! — Характеристика Г. Ф. Мартенса мнѣ показалась несогласованною въ отдѣльныхъ ея частностяхъ. Похвала и упреки автора относительно этого писателя въ нѣкоторомъ самопротиворѣчии. — Я нахожу, что осторожность Г. Ф. Мартенса на философской почвѣ именно его заслуга въ такое время, когда были философскія школы различныхъ исповѣданій, и не было положительной философіи. Но также и *обобщенію данныхъ* были тогда поставлены гораздо болѣе узкія рамки, нежели теперь, когда *данныхъ* несравненно больше, и когда они вмѣстѣ съ тѣмъ приняты болѣе регулярное постоянство.

Авторъ упрекаетъ своего однофамильца въ превратномъ пониманіи философскаго международнаго права. Но упрекъ этотъ голословный. Г. Ф. Мартенсъ говоритъ о естеств. правѣ, приблизительно, въ смыслѣ Канта. Проф. Мартенсъ же не опредѣляетъ, какъ онъ самъ понимаетъ философское между-

народное право, и, поэтому критика лишена возможности вступить съ нимъ въ споръ по опредѣленному предмету. — Уже по случаю Уитона, авторъ, какъ за этимъ писателемъ такъ, видимо, и за Г. Ф. Мартенсомъ, отрицаетъ, “и глубину мысли, и личность выводовъ”.

Естественное международное право, какъ часть положительнаго международного права, проф. Мартенсъ не выяснилъ.

Онъ этого и не могъ сдѣлать, не различая между *естественнымъ правомъ* и философскимъ правомъ. Неустановившееся отношеніе проф. Мартенса къ этому различію наглядно представляется напр. по поводу характеристики Уитона.

Неудовлетворительны у Мартенса критика и изложеніе, напр., даже Филлимора: Не упоминается, насколько общая критика автора на англо-американскую литературу также относится къ этому писателю. Говорится о высокомъ научномъ значеніи труда Филлимора, но безо всякаго указанія какой либо опредѣленной стороны такого значенія. „Охвачена вся область международного права“ не только Филлиморомъ, но и другими англійскими и американскими писателями, и часто даже гораздо равномернѣе, нежели у Филлимора. Ничего Мартенсъ не говоритъ о коренныхъ недостаткахъ многотомной работы Филлимора (кромѣ какъ о схемѣ въ порядкѣ изложенія).

Замѣчательными послѣдователями Канта, Фихте и Гегеля, по философіи международного права, Мартенсъ считаетъ Фалатти, Гельшнера, Лоренца Штейна. — Но: всѣ трое послѣдователи Гегеля! А въ числѣ послѣдователей Гегеля по междунар. праву занимаетъ первое мѣсто Пюттеръ; Фалатти, собственно говоря, мало касается системы междунар. права, и еще гораздо меньше дѣлаетъ это Штейнъ, съ его бѣглою рецензіей о Геффертѣ, въ которой, лучше сказать, о Геффертѣ и не говорится. Между тѣмъ Мартенсъ вовсе не упоминаетъ о системахъ философіи международного права Пѣлица и К. С. Цахаріа. Объ *ученіи* Оппенгейма, Геффтера, Блончли, Кальво, Функъ-Брентано и Сорела, — проф. Мартенсъ ничего не говоритъ; характеристика же этихъ писателей касается не одинаковыхъ сторонъ ихъ работъ и поэтому, по ней, трудно опредѣлить ихъ сравнительныя заслуги.

Любопытно, что проф. Мартенсъ упрекаетъ Блончли за формулированіе началъ, еще не дѣйствующихъ, а Г. Ф. Мартенса за *отсутствіе* таковыхъ порицаетъ. Относительно Кальво Мартенсъ забылъ вспомнить насколько богать у Кальво отдѣлъ, которому очень обязанъ *второй* томъ курса Мартенса: о международномъ управленіи.

Изъ системъ итальянцевъ авторъ приводитъ, въ примѣчаніи, только заглавія сочиненій Фіоре и Амари. — Въ новомъ изданіи (1880 г.) своей системы Фіоре измѣнилъ абсолютной теоріи націоналитета; Мартенсъ приводитъ первое изданіе. (Ср. стр. 173, прим. 2; и стр. 173—4).

Изъ русскихъ курсовъ и введеній въ нихъ, авторъ приводитъ Каченовскаго, Стоянова, Капустина и Бялэцкаго. Какъ-то странно отношеніе автора къ

этимъ писателямъ (стр. 175).

О талантливомъ Д. И. Каченовскомъ Мартенсу извѣстно какъ бы только обертка начатаго Каченовскимъ курса. Я призадумался надъ этимъ, имѣя ввиду комплименты, преподнесенные на предыдущей страницѣ, напр. Рено, написавшему, правда безъ претензій, складное, но очень элементарное коротенькое введеніе въ международное право, съ приложеніемъ мало логичной схемы для системы его.

Курсъ проф. Стоянова, — правда, книга недостаточно обработанная, потому что спѣшно напечатанная, въ видахъ необходимой учебной дѣли, но все таки онъ довольно толковое и полное учебное пособіе. Мартенсъ, въ своемъ предисловіи, совершенно *отрицаетъ* этотъ курсъ; въ настоящемъ мѣстѣ (стр. 175) онъ подноситъ Стоянову только упреки: за отсутствіе системы и международного управленія и за политическія разсужденія въ его книгѣ. Я нахожу, что *схема* для порядка изложенія курса Стоянова не лишаетъ *читателя* возможности вполнѣ удобно ориентироваться и послѣдовательно изучить отдѣльные вопросы предмета. Только рубрики у Стоянова не очень подробны и жирными шрифтами не показаны. — *Международное управленіе*, въ смыслѣ Мартенса, Стояновъ излагаетъ, кромѣ войны, на трехъ печатныхъ листахъ; такое вниманіе оказали этому вопросу немногіе. — За *политическія* разсужденія въ курсѣ международного права также пришлось бы иногда преслѣдовать Мартенса. — Тонъ изложенія у Стоянова безъ претензій.

Въ конспектѣ Капустина авторъ упоминаетъ о замѣчательной, будто бы, систематизаціи его, но схемы ея не приводитъ, хотя онъ это дѣлаетъ въ иныхъ, менѣе замѣчательныхъ, случаяхъ.

Изъ дѣйствительно замѣчательныхъ представителей систематики международного права въ XIX в. упущены, въ изложеніи Мартенса, — *Шмельцингъ и Клюберъ*. Также не упомянуто объ Уольсей и руководствѣ (manuel) Кальво.

Въ слѣдующей (второй) статьѣ, по поводу настоящаго сочиненія проф. Мартенса, я останавился на остальныхъ вопросахъ, составляющихъ въ немъ *введеніе*. Мы тамъ побесѣдуемъ о понятіи, опредѣленіи, источникахъ, систематизаціи, методѣ и кодификаціи международного права, а равно о международномъ общеніи. Третья (последняя) статья моя займется общею и особенною частью системы въ курсѣ Мартенса. Вторая статья равняется, по объему, первой; третья нѣсколько короче.

О. Эйхельманъ.